

Михаил Иванович Пыляев

Моды и модники старого времени

*Часть сборника
Замечательные чудачки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Пыляев. Замечательные чудачки и оригиналы //Эксмо, Москва, 2008
ISBN: 978-5-699-26293-9
FB2: "M_Lenny", 2 июня 2011 года, version 1.0
UUID: 3e3529d8-8d0e-11e0-9959-47117d41cf4b
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Иванович Пыляев

Моды и модники старого времени (Старое житье)

«В XVII столетии наша русская знать приобрела большую склонность к новомодным платьям и прическам. Указом 1675 года стольникам, стряпчим и дворянам московским и жильцам повелено было, «чтоб они иноземских, немецких и иных избычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья кафтанов и шапок с иноземским образцом не носили и людям своим потому ж носить не велели, а буде кто впредь учнет волосы постригать и платья носить с иноземного образца, или такое ж платье объявится на людях их, и тем от великого государя быть в опале и из высших чинов написаны будут в нижние чины»...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0027
III.....	.0048
IV.....	.0064
V.....	.0085
VI.....	.0106

М. И. Пыляев
Моды и модники старого
времени

Гонение на модников в XVII веке. – Стрижка и бритье волос. – Уборы женщин. – Боярские ферязи, кафтаны, тердики и проч. – Нововведения в одежде при Петре I. – Поборники старинных одеяний. – Публичное осмеяние одежд и обычаев старины. – Исторические модники В.В. Голицын и М.П. Гагарин

В XVII столетии наша русская знать приобрела большую склонность к новомодным платьям и прическам. Указом 1675 года стольникам, стряпчим и дворянам московским и жильцам повелено было, «чтоб они иноземских, немецких и иных избычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья кафтанов и шапок с иноземским образцом не носили и людям своим потому ж носить не велели, а буде кто впредь учнет волосы постригать и платья носить с иноземного образца, или такое ж платье объявится на людях их, и тем от великого госуда-

ря быть в опале и из высших чинов написаны будут в нижние чины».

С времен татарского ига русские, по обычаю врагов, плотно стриглись, а иногда даже и брили себе голову. Перед каждым большим праздником все считали долгом непременно остричься. На обритуемую голову надевали тафью (скуфью), на тафью – колпак, а на колпак – гарлатную шапку. Чем выше была шапка, тем знатнее был носивший ее. Шапку не скидали и в присутствии самого государя. Приходя домой, такой боярин шапку напяливал на болванец, расписанный нарядно иконописцами и составлявший украшение в доме. Попадавшие в царскую опалу или терявшие близких родных отращивали на голове волосы в знак печали. Волосы были так длинные, что висели по лицу и плечам. Женщины же наоборот в знак печали остригали себе волосы. По понятиям века для замужней женщины считалось и стыдом, и грехом оставлять напоказ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нее большим бесчестием. По словам Костомарова, в Новгороде вошло было даже в обычай за-

мужним женам брить себе волосы, но этот обычай не одобрялся церковью. Правило скромности переходило в щегольство, и некоторые женщины, укрывая волосы под волосняком (скуфьей), стягивали их так туго, что едва могли моргать глазами; это казалось им красиво. У детей женского пола волосы всегда были острижены, точно как у мальчиков, и девочку можно было узнать только по небольшим пукам волос на висках.

Русские женщины не заботились ни об изяществе формы, ни о вкусе, ни о согласии цветов в одежде – лишь бы блестело и пестрело. В их одеждах не было талии, они были мешки. О том чтобы платье сидело хорошо, не имели понятия. По мнению русских, красота женщины состояла в толстоте и дородности; женщина стройного стана не считалась красавицею; напротив, ей предпочитали мясистую и тучную. По свидетельству иностранцев, русские считали особенною красотою, чтобы у женщины были продолговатые уши и некоторые записные щеголихи вытягивали их себе насильно.

На пестрых платьях женщине накладыва-

лось множество украшений; на шее и на груди висело множество крестов на цепях; на голове и по платью было нашито также много жемчуга. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надели после взятия во дворец, было так тяжело, что у ней заболели ноги. На головах девиц были венцы, имевшие форму городов и теремов, с жемчужными повязками. В торжественных случаях женщины, поверх своего и без того тяжелого платья, надевали еще «подволоку или проволоку». Это был род богатой мантии из шелковой щербатой или белой материи, но чаще золотой или сребротканой; края этой мантии были особенно нарядно разукрашены золотым шитьем, жемчугом и драгоценными камнями.

Не довольствуясь своими пестрыми и богатыми одеждами, русская женщина белилась и румянилась так, что приводила в смех иностранцев. Она так налепляла на лицо краски, что, по замечанию Олеария, казалось, будто бы кто-нибудь размалевал их кистью. Этого мало, они размалевывали себе шею и руки белой, красной, голубой и коричневой красками, окрашивали ресницы и брови и притом

самым уродливым образом – чернили светлые, белили черные. Красавицы, которые сознавали за собою пригожесть, все-таки принуждены были это делать, чтобы не подвергаться насмешкам.

Главнейшую часть убора, как женщин, так и девиц, составляли серьги и запястья или запявья. Первые обыкновенно бывали золотые, длиною иногда дюйма в два, всегда почти с яхонтами, изумрудами или гиацинтами. Серьги носили и мужчины, но только в одном ухе. Запястья были широкие, серебряные или золотые, очень искусного ювелирного дела с жемчугами и драгоценными камнями. Не последнее украшение были и кольца или перстни, и затем разного рода монеты и особенно жемчужины. В руках у женщин был шелковый с золотыми каймами и кистями платок, называемый «ширинкою». Зонтики также у богатых женщин были в употреблении: их носили над ними рабыни.

Бояре еще в первые годы царствования Петра Великого на место нынешних мундиров надевали богатые золотые, бархатные и объяристые фerezи, в которых, по указу 1680

года, должны были являться ко двору. Ферезею называлось и женское платье; последнее они носили с поясом. Обыкновенно русские ходили без перчаток. Только цари и знатные особы надевали «персчатые рукавицы» и то зимою от холода; по величине они делились на рукавицы и рукавки. Для мужских одежд людей среднего состояния употреблялась материя зуп, род камлота; у людей богатых наружная одежда была шелковая; тогдашний вкус требовал самых ярких цветов – черные и темные цвета употреблялись только в печальных случаях или так называемых смиренных одеждах, т. е. траурных. По понятиям века яркие цвета внушали уважение и потому начальствующие лица, по приказу царя, рядились в такие цветные одежды. Преобладающий цвет в народе был красный и особенно красно-фиолетовый (червчатый); даже духовные особы носили рясы красных цветов.

Богатые и чиновные люди на летний терлик надевали охабень (последний был изменен при царе Федоре Алексеевиче и строго было приказано в нем не пускать не только во дворец, но и в город Кремль) или обноря-

док, очень длинный с рукавами и капюшоном, богато убранный жемчугом. Поверх его вельможи, выходя из дому, надевали длинный кафтан камлотовый, очень похожий на охабень, только без капюшона и воротника. Голый затылок русских бояр закрывался стоячим воротником, шириной от трех до четырех пальцев; последний был унизан жемчугом и драгоценными камнями. Воротники даже у самых рубах были без складок около шеи; последние всегда искусно вышивались, потому что предки наши дома ходили в одних рубашках. Сверх рубашки носили легкое шелковое платье с пуговицами длиною до колен. На него надевали кафтан узкий, подпоясанный персидским кушаком, за который затыкали нож или кинжал. Кафтаны обыкновенно были бархатные, объяри или сукна кармазинного цвета, иногда же из золотой парчи.

Между богатыми старинными одеждами были известны еще фюфудии или с поясами кафтаны; затем род шуб, которые употребляли цари на охоту под названием *бостроги* или *терлики*, последние были бархатные с зо-

лотыми шнурами и кистями на лучших соболях или чернобурых лисицах. Между княжескими одеждами были известны еще кожухи или шуба русская. Так, о царе Михаиле Федоровиче сказано: нарядившись в козух золотной аксамитный на соболях да в шубу русскую соболью, крыта бархатом золотным, заметав полы назад за плеча (Описание торжества при бракосочетании царя Михаила Федоровича). В военное время употребляли род епанчи, называвшейся в древности *корзнь*.

Исподнее платье шивали атласное белое или из золотой парчи. Бояре, как мы выше уже говорили, на голову надевали высокие, дорогие гарлатные шапки – верх шапок бывал парчовый или бархатный и исподь из соболей или рысей. Шапка унизывалась жемчугом и наверху ее дельвались кисти, иногда с дорогими камнями. Обыкновенно же в первые годы царствования Петра Великого бояре носили черное бархатное платье, по краям унизанное жемчугом и драгоценными камнями.

К числу старинных нарядов надо причислить и ожерелья, которые носили особы цар-

ского рода. Лжедмитрий, въезжая в первый раз в Москву в 1605 году, имел на шее у себя ожерелье, которое тогда ценили в сто пятьдесят тысяч червонных.

Принятие разных нововведений в одежде приписывают Петру Великому, но еще ранее его царь Федор Алексеевич, женатый на Агафье Семеновне из польского рода Грушецких, в угоду последней, как передают летописцы, снял с себя и с бояр женские охабни, велел стричь волосы, брить бороду и ходить по-польски с саблей и носить кунтуш. Царь только одного не делал: не брил бороды, и то потому, что у двадцатилетнего монарха борода еще не показывалась. Но на бороду гонение было еще ранее Федора Алексеевича. Во время татарского владычества начало было входить в обычай бритье бород, и великий князь Василий Иванович последовал этому обычаю; это обыкновение продолжалось до Иоанна Васильевича; с его царствования духовенство вопияло против бритья, и Стоглав предал неблагословению церкви дерзавших отступить от дедовского обычая. Под влиянием церкви, — как говорит Костомаров, — борода

долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человека, и если у кого от природы не росла борода, к тому имели недоверие и считали его способным на дурное дело – и все тогда носили бороды, и чем бороды были длиннее, тем осанка человека считалась почтеннее и величественнее. Богатый человек холил ее, берег и расчесывал гребешком из слоновой или моржевой кости. Царь Борис Годунов, стараясь ввести многие немецкие обычаи, приказывал тоже брить бороды, но приказ этот плохо привился, и только Петр Великий почел нужным истребить наружные знаки, отличавшие всех подданных его от иностранцев, т. е. длинные платья и бороды. В 1699 году вышел указ царя, по которому, исключая крестьян, монахов, священников и дьяконов, всем велено было брить бороды. В 1705 году повелел государь платить за бороды пошлину; последняя была следующих размеров: царедворцам и другим чиновникам – по 60 руб., гостям первой статьи – по 100 руб., средней и меньшей статьи – гостиные сотни, торговым и посадским первой статьи – по 60 руб., средней и меньшей

статьи боярским людям, ямщикам, извозчикам и церковникам (кроме попов и дьяконов) и всем прочим, кроме хлебопашцев в деревнях живущих, – по 30 руб. в год. Вносившим эту бородовую пошлину вместо квитанции давали медные знаки. С этого времени у нас стали употреблять прическу волос, пудру, помаду, носить парики, и в это же время вошли в моду шляпы и картузы.

В 1699 году вышел указ: всем, за исключением попов, дьяконов, монахов и крестьян, носить платье европейского фасона; в первое время государь приказал носить венгерское платье, но потом отменил это и приказал носить мужчинам верхнее – саксонское и французское, а камзол и нижнее платье – немецкое, а женщинам приказал нарядиться в немецкое платье. Но чтобы повеление это исполнялось точно, на ослушников наложил штрафы, и на городских заставах в воротах повелел всякого, кто окажется в русском платье и бороде, брать с пеших по сорока копеек, а с конных – по два рубля с человека. В это же время повелено было в лавках русского платья не продавать и портным такого не шить,

под опасением наказания.

С этого также времени вошли в употребление галстуки и манжеты, а между женщинами – кофты и юбки.

Относительно обуви в старину уже известна была некоторая роскошь, так, богатые носили сапоги с серебряными подковами и гвоздями, указанные по швам, на носках и каблукках жемчугом, а иногда и драгоценными камнями. При царе Михаиле Федоровиче люди обоего пола нашивали короткие сапоги сафьяновые или другой цветной кожи, унизанные тоже жемчугом. С самого начала прошедшего столетия начали уже носить у нас, по примеру иностранцев, башмаки и на них серебряные пряжки, иногда тоже унизанные бриллиантами или другими драгоценными камнями.

Петр Великий строго смотрел, чтобы не носили старинную одежду и только предоставлял рядиться в старинный наряд одному князю-кесарю Ромодановскому. Последний по одежде, обычаям и роду своей жизни служил сатирой на старое время.

Князь Ромодановский отличался бескоры-

стием и честностью. Нартов рассказывает, что когда Петр I, объявив войну шведам, сильно печалился о том, что у него нет денег и хотел уже обобрать все монастырские сокровища, то Ромодановский передал царю громадное количество серебряной монеты и голландских ефимков. Деньги эти с грудями серебряной и позолоченной посуды были на хранении у Ромодановского, но никто не знал об этом, т. к. царь Алексей Михайлович приказывал Ромодановскому сберегать и деньги и посуду в особой камере при Тайной канцелярии и выдать сохраняемые там деньги только в случае войны, при самой крайней необходимости. Если бы Ромодановский желал ими воспользоваться, то он мог бы это сделать без всякой ответственности.

В век преобразования России Петром I, борьбы старины с новизной, осмеяния древних причудливых нарядов, обычаев и обрядов (не раз производившегося публично), – так описывает Желябужский, современник таких случаев, – в мельчайших подробностях был выполнен в 1702 году старинный обряд трехдневного празднования свадьбы «остро-

умнолитного Феофилакта (Ивана) Шанского, многоутешного шута и смехотворца, женившегося в 1702 году на сестре князя Ю.Ф. Шаховского. Сам император принимал участие в таком пиршестве, им затеянном и устроенном по его вкусу к подобным потехам. Там он был одет по старине, в бархатный опашень, в охабень из вишневой зуфи, сверх его – ферязь камчатная, на голове была шапка заячья, черная, на ногах – сапоги желтые, сафьянные. В свадебном поезде были бояре с боярынями окольниковичие, думные стольники и дьяки в мантиях, ферязах и гарлатных шапках. Лицо царя представлял князь-кесарь Ромодановский, в старинной царской одежде, лицо царицы – жена Бутурлина, патриарха – князь-папа, прозванный также патриархом Пресбургским, Заяузским и всего Кокуя (т. е. Немецкой слободы), – учитель Петра I, Зотов».

«Первая ночь у новобрачных, – говорит Желябужский, – была на башне у Курятных ворот и тут пили три дня. Настоятельно потчевали же гостей по старине только горячим вином и крепким пивом и медом. Сам государь при этом острил, обращаясь к поборни-

кам старины, употреблявшим эти напитки „А старинные обычаи всегда лучше новых“, – и т. д. Последствия такого потчеванья для некоторых были печальны.

В другой раз в Москве, в 1715 году, Петр Великий опять посмеялся над старыми нарядами русскими и в декабре назначил уличный маскарад, в котором, начиная от самого именитейшего лица и до простого смертного, все были одеты в курьезные старинные платья. Так, в числе «дамских персон» была Бутурлина в нагольной шубе и летнике, князь-игуменья Ржевская – в шубе и телогрее. В руках у этих лиц был какой-нибудь инструмент, гудок или балалайка. Так смеялся преобразователь России над старыми обычаями и нарядами. В ряду исторических модников резко выделяются две личности, князь Василий Васильевич Голицын и князь Матвей Гагарин. Первый из них, сын боярина князя Василия Андреевича, получил в свое время почти необыкновенное образование, он говорил на трех языках – латинском, греческом и немецком. Начал он службу при дворе царя Федора стольником и чашником. Когда Ланевин

представлялся ко двору, то Голицын говорил с ним по-латыни. По словам современников, он отличался «умом, учтивостью и великолепием» и терпеть не мог горячих напитков. Внешностью он был красавец и прибегал к таким косметикам, употребление которых у мужчин кажется смешным. Так, он румянился и белился, завивал усы, холил разными специями свою небольшую светлую бороду. Одевался в атласный бирюзового цвета кафтан на соболях, расшитый золотом и унизанный жемчугом и драгоценными камнями. Боярская его шапка стоила более десяти тысяч червонцев; она была из редкого, так называемого красного соболя или, вернее, белого. Каменный дом его, в Москве, не уступал убранством своим лучшим дворцам Европы; он вмещал богатую коллекцию картин известнейших иностранных живописцев; стены палат были обиты богатыми тканями, потолки были зеркальные или расписные. Крыша дома была медная и горела на солнце от чистоты, как золотая. Существует предание, что он на Москве первый дал пример богатым строить каменные дома. Библиотека Голицына в

свое время была из редчайших в России. Он первый выписал из Греции 20 докторов. Этот всеильный вельможа во время правления царицы Софии думал содержать министров при главнейших дворах европейских. Он широко заботился о просвещении, убеждал бояр, чтобы они обучали детей своих, отправлял в Польшу и другие государства. Голицын приглашал к себе иностранцев-наставников и звал всех иноземцев в Россию; он хотел ввести свободное вероисповедание. Часто устраивал у себя ученые беседы, особенно с иезуитами, которых изгнали из Москвы на другой день падения Голицына. Голицын собрал записки о состоянии и образе правления разных государств. Он первый построил от Москвы до Тобольска на каждых пятидесяти верстах избы для крестьян, снабдив каждого хозяина тремя лошадьми, с условием, чтобы их содержали в всегдашнем комплекте и взымали с проезжающих за десять верст по три копейки на лошадь; он же велел расставить по дорогам длинные шесты во всей России вместо верст. Василия Голицына современники за дела называли великим. Но, обладая про-

свещенным умом, он не мог освободиться от предрассудков своего века. Так, однажды находившийся в свите его дворянин Бунаков, шедший за ним по улице, внезапно упал в припадке падучей болезни и по суеверию взял с того места горсть земли, которую завязал в платок. Голицын, сочтя Бунакова чародеем, велел пытать за то, что он «вынимал» будто бы «след его для порчи». Также по его приказанию сожжен живым в Москве на болоте, при многочисленной толпе народа, мечтатель Квириин-Кульман за ересь. Но при таких отрицательных качествах Голицыну приписываются в Москве и такие великолепные вещи, как постройку деревянных мостовых на Москве, сооружение зданий в Кремле, Посольского приказа, постройку великолепных каменных палат для присутственных мест, затем Каменного моста на Москве-реке с двенадцати арками. Постройка этого моста казалась в свое время каким-то чудом. Изобретателем и зодчим моста, по народному преданию, был какой-то монах, которого имя, к сожалению, неизвестно. Вбивши дубовые сваи в русло реки и настлав их брусьями, он выво-

дил на них каменное здание. Это сооружение по тому времени казалось столь дорогим, что даже вошло в народную поговорку: «Дороже каменного моста».

По рассказам современников, Голицын выводил в чины людей ничтожных (?), уважая в них истинное достоинство, и не любил бояр, когда с знатным происхождением они были бесполезны для отечества. По его инициативе было уничтожено местничество в России и преданы огню книги, причинявшие раздор между семействами и вред службе. Голицын кончил свою карьеру очень печально. По воле Петра ему был прочтен приговор; главные вины его были, что он и приверженцы его докладывали царевне, а не государям все государственные дела, писали от них грамоты и печатали имя Софии в книгах без соизволения царского, что от неудачных походов в Крым Голицына казна понесла великие убытки. За все эти преступления велено отнять у Голицына боярство и чины и сослать в город Яренск (Вологодской губернии) и отписать на имя государей все поместья, дома и пожитки. При описи найдено было в его сундуке

100 тыс. червонцев и 400 пуд. серебряной посуды, кроме разных монет. Князь Голицын умер в ссылке в Пинеге 80-ти лет.

Другой такой модник в Петровское время был князь Матвей Петрович Гагарин, сибирский губернатор в городе Тобольске. Этот вельможа удивлял всех своею царскою пышностью. Он в первое время пользовался большим доверием императора и потому почти самовластно управлял такою обширною и богатою странюю, как Сибирь.

У него за столом подавали кушанья на пятидесяти серебряных блюдах; сам же он ел только на золотых тарелках. Колеса его кареты были также серебряные, и лошади подкованы серебряными и золотыми подковами. Парадный мундир князя Гагарина был залит алмазами. Пряжки его башмаков стоили десятки тысяч. Князь был видом очень невзрачный, невысокого роста, черноватый, с быстрыми движениями.

Князь Гагарин выстроил в Москве, в Белом городе, обширные и роскошные палаты, где стены были зеркальные, а потолки – из стекл, на которых плавали в воде живые рыбы.

Эти великолепные палаты, на образе венецианских, воздвигнуты были, вероятно, по проекту какого-нибудь иностранного архитектора. Четырехэтажные комнаты выходили фасадом на Тверскую улицу, образуя портал с двумя павильонами; в уступах между ними, в арках, устроена была открытая терраса с балюстрадаю.

В бельэтаже у портала и обоих павильонов висели балконы из белого камня, украшенные вычурною резьбою. Наличники и сандрики над окнами состояли из орнаментов, искусно высеченных из камня. Над подъездными воротами видно было клеймо, увенчанное княжескою короною и запечатленное следующею надписью: «Боже, во имя Твое спаси».

Из бельэтажа на улицу по обе стороны ворот были красивые крыльца с оборотами, с фигурами, балюстрадами и т. д. На заднем фасаде дома на дворе был длинный балкон с художественными орнаментами.

Внутреннее великолепие палат соответствовало и внешнему: разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото, все было употреблено на украшение

покоев. Зеркальные потолки отражали в себе блеск жирандолей, люстр, канделябр, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы, разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образов его в спальне, осыпанные бриллиантами, стоили по оценке тогдашних ювелиров более 130 тыс. руб. В числе его несметных сокровищ был самый драгоценный из всех доныне известных в целом свете рубин, привезенный ему из Китая. Сын этого князя, путешествовавший за границу, так сорил деньгами, что его иностранцы прозвали набобом.

Князь Гагарин был уличен Петром I в лихоимстве и повешен на площади перед Сенатом, на страх другим, не унимавшимся в то время лихоимцам, и все его имение было конфисковано. Несколько тысяч крестьян, принадлежавших ему, были отданы производившему над ним следствие Егору Пашкову, потомство которого оттого и заняло впоследствии видное место между богатыми фамилиями.

Выезд бояр. – Поезда архиереев. – Мода на кареты. Великолепная карета Разумовского. – Езда с форейторами. – Петиметры и амурщики. – Блеск двора при императрицах Анне и Елизавете. – Рассказы Миниха и Манштейна. – Модные лавки и волосочесы. – Парикмахер Леонард. – Пудра, букли и парики. – «Красные каблучки». – «Модные дома вельмож и богачей». – Старый дворянский быт

В старину при московских царях вся роскошь богатых придворных бояр обращалась на выезды и конские уборы: арчаки и седла украшались драгоценными камнями, стремена иногда делались золотые, попоны, шитые золотом и серебром, унизанные жемчугом. Такие уборы сохранялись в богатых семействах по десяткам лет и переходили из рода в род. Конями особенными русские не славились; лошади в употреблении были татар-

ские, пригоняемые во множестве из Астрахани. Щеголяли лошадьми русские, особенно белыми. Боярин в древности ехал ко двору со звоном бубенцов и грохотом литавр; у верховой лошади на ногах, сверх копыт, привешивали маленькие колокольчики, а сзади у седла прикрепляли небольшие литавры, медные или серебряные: всадник ударял в них бичом для возбуждения охоты в лошади и для того, чтобы проходящие давали дорогу. Такие поездки по улицам запретил Петр Великий. В XVII веке стали ездить у нас в каретах в несколько лошадей и зимою, и летом. В 1681 году было указано, что только бояре могут ездить на двух лошадях, а в праздники – на четырех, во время же свадеб и стговоров – на шести. Все прочие, не исключая и стольников, должны ездить летом непременно верхом, а зимою – в санях на одной лошади. Олеарий говорит, что езда в санях считалась почетнее езды на колесах; в торжественных случаях сани употреблялись и летом, особенно духовными лицами. Так, патриарх иерусалимский, приезжавший в Москву для посвящения в патриархи Филарета, ехал в Успенский собор

в санях, хотя это было 24 июня. Архиереи обыкновенно езжали к обедне в санях и летом, как и зимою, спереди служка нес посох, позади также шли служки. Колымага или карета единственно употреблялась для двора, в них запрягалось по шести и более лошадей. Чтобы иметь понятие о древних наших каретах, опишем одну из них, которую царь Борис Годунов послал в подарок жениху дочери своей, датскому принцу Иоанну: «Возок б лошадей серых, шлеи на них червчатые, у возку железо посеребрено, покрыт лазоревым сафьяном, а в нем обито камкою пестрою; подушки в нем лазоревы и червчатые, а по сторонам писан золотом и разными красками; колеса и дышло крашены». В старину подарки-экипажи у коронованных особ были самыми излюбленными. Так, английская королева Елизавета прислала Годунову карету, обитую бархатом. В богатой же карете в 1606 году въезжала в Москву Марина Мнишек; карета была обита снаружи алым сукном, а внутри – красным бархатом, подушки были парчовые, унизанные жемчугом. Эта драгоценная карета была запряжена, по словам летописцев,

двенадцатью чубарыми жеребцами, до того искусно подобранными, что, несмотря на пестроту шерсти, трудно было отличить одну лошадь от другой. При этом выезде была и коляска, запряженная шестернею. Впоследствии, как увидим, мода на роскошные экипажи не имела уже границ. В царствование же Петра I в Петербурге карет было очень немного, и во всем городе только одна наемная, которую иногда пользовались приезжие иностранцы. При Анне Иоанновне, как выражается Щербатов, «экипажи тоже великолепие восчувствовали», явились кареты позлащенные, с точеными стеклами, обитые бархатом, с золотыми и серебряными бахромами и с шелковыми кутасами, богатые ливреи, лучшие лошади, серебряные и позолоченные шоры. При Елизавете Петровне экипажи богачей блистали золотом, дорогие лошади были не столько удобны к езде, сколько для вида. Золоченные колеса, красная сафьяновая сбруя с вызолоченным набором, кучера в бархатных кафтанах, с бобрового опушкою, являлись на улицу при ежедневных выездах богатых. В торжественные же дни поезд снаряжался еще

великолепнее, у некоторых богатых господ парадные кареты с зеркальными стеклами были вызолочены снаружи, цуг отличных коней с кокардами и бантами на головах. Кучера без бород, но с усами, в треугольных шляпах, пудренные, с косами, позади карет стояли рослые гайдуки, одетые егерями или гусарами, впереди кареты бывали скороходы, и они, опираясь на длинные булавы, делали размашистые скачки, одеты были эти бегуны в легкие куртки с ленточными бантами на коленках и локтях, такой наряд они носили и в самые сильные морозы, на головах у них были бархатные шапочки с кистями и страусовыми перьями. Владельцы этих скороходов употребляли их не только для парада, но и вместо почты. В описываемые годы жил в Москве, на Басманной, С.К. Нарышкин, слывшийся первым щеголем в свое время. Он ко дню бракосочетания Петра III выехал в богатой золотой карете, в которой везде были вставлены зеркальные стекла, даже на колесах, карета эта стоила ему около 30 тыс. руб. Кафтан у Нарышкина был шитый серебром, на спине его было вышито дерево, сучья и ли-

стья которого расходились по рукавам.

В блестящий век Екатерины II уже при дворе и у наших вельмож появляются кареты, по цене стоящие наравне с населенными именьями, на дверцах иной раззолоченной кареты пишут пастушечьи сцены такие великие художники, как Ватто или Буше. Императрица Екатерина II получала даже в подарок драгоценные кареты, украшенные, помимо живописи, драгоценными камнями, одну такую ей шлет Людовик XVI и другую великолепную двухместную карету посылает ей Фридрих Великий. В это время безумная мода на кареты доходит до того, что Андрей Кириллович Разумовский заказывает карету для своего отца в Лондон, ценою в восемнадцать тысяч рублей, за одно показание ее мастер собирает сумму в несколько тысяч рублей. По привозе этой кареты Павел Петрович велит привезти ее на Каменный остров для осмотра. В конце царствования стали ездить в каретах шестериком с двумя форейторами «на унос», передовой фореитор, трогаясь от крыльца дома, при разъездах кидался как угорелый, ему вменялось в обязанность непре-

менно вывезти первого с бала своего барина, хотя бы в разбитой карете. При таких разъездах общая свалка и давка доходили до невероятия, не только вдребезги ломали экипажи, но давили насмерть лошадей и людей, после каждого бала, если крепостные кучера кого-нибудь задавили, то хвастались, как будто выигранной победой.

При вступлении на престол Павла I варварская мода езды с форейторами приутихла, но зато с воцарением императора Александра I вновь появилась старая упряжь с кучерами в русских армяках и форейторами. Особенно щеголяли такими закладками в Москве. Жихарев рассказывает, что в 1805 году под Новинским в числе таких упряжек обращала на себя внимание карета, чрезвычайно нарядная, какого-то Павлова, голубая, с позолоченными колесами и рессорами, соловые лошади с широкими проточинами и с гривами по колено, в бархатной пунцовой, с золотым набором сбруе. Коренные, как львы, – на позолоченных цепях, а подручные – на кубертах. Старомодные кареты попадались еще в Москве в сороковых годах, так, в эти годы еще

жила фрейлина Екатерины II, княжна П.М. Долгорукая, которая ездила в двухместной карете, которая имела вид веера (*en forme d'eventail*). В Екатерининское время прогулки в экипажах ежедневно делались у Гостиного двора. Здесь, на Ильинке, около лавок можно было встретить всю аристократию; все волокиты в то время назначали свидания. На это купцы неоднократно жаловались царице, говоря, «что петиметры и амурщики только галантонят» и мешают им продавать. Приезды на прогулки в эти места наших бар отличались большою торжественностью. Большие высокие кареты с гранеными стеклами, запряженные цугом больших породистых голландских лошадей, всех мастей, с кокардами на головах, кучера в пудре, гусары, егеря сзади и на запятках, с скороходами, бежавшими впереди экипажа, берлины, с боковыми крыльцами, широкие сани с полостями из тигровых шкур, возницы, фореиторы в треуголках с косами, вооруженные длинными бичами. Чинные и важные поклоны, приветы рукой, реверансы и всякие другие учтивости по этикету того времени представляли до-

вольно театральную картину на улицах Москвы и Петербурга.

Роскошь и блеск нашего двора начинаются со времен Анны Иоанновны; чтобы быть на хорошем счету у государыни, тогда требовалось расходовать очень большие суммы, и чтобы не затеряться в раззолоченной толпе, наполнявшей дворцовые апартаменты, человек, не обладавший миллионами, неминуемо должен был продавать ежегодно не одну сотню «душек», по нежному выражению майора Данилова. Придворные чины, по словам Миниха-сына, не могли лучшего сделать императрице уважения, как если в дни ее рождения, тезоименитства и коронации приезжали в новых платьях во дворец. Манштейн в своих записках пишет: «Придворный, тративший на свой туалет в год не более 3 тысяч рублей, был почти незаметен».

Блеск двора Елизаветы Петровны был еще более изумителен; даже французы, привыкшие к блеску своего Версальского двора, не могли надивиться роскоши нашего двора. Щегольство и кокетство дам наших было в большом ходу, и все женщины только и дума-

ли, как бы перещеголять друг друга. Елизавета сама подавала пример щегольства; так, во время пожара в Москве в 1753 году у нее сгорело 4 тыс. платьев, а после ее смерти Петр III нашел в гардеробе ее с лишком 15 тыс. платьев, частью один раз надеванных, частью совершенно не ношенных; два сундука шелковых чулок, лент, башмаков и туфель до нескольких тысяч, более сотни неразрезанных французских материй и т. д.

В Екатерининское время уже появились в обеих столицах французские модистки и разные модные лавки: последние появились под названиями: «Au temple de goût» (храм вкуса), «Musée de Nouveautés» (Музей новинок) и т. д. Существует предание, что введением французских нарядов в моде Россия обязана Кириллу Разумовскому и другу его Ив. Ив. Шувалову. В их время в Москве славилась модистка Виль, которая продавала модные «шельмовки» (шубки без рукавов), чепцы, рожки, сороки, «королевино вставанье» а la грек, башмачки-стерлядки, улиточки, подкольный женский кафтан, распашные кур-форме и фурро-форме, разные бантики, кружева. Мо-

дистка Кампании предлагала своим покупательницам цветы, гирлянды для наколок на дамские платья и т. д. Уборщик и волосочес Бергуан рекомендовал всем плешивым помаду для отращивания волос; из духов – «Вздохи Амура»; он же делал изобретенную им новую накладку для дамских головок, в виде башен с висячими садами а la Семирамид. Другой такой же французский парикмахер Мюльет предлагал мужчинам парики из тонких белых ниток, которые так легки и покойны, что весят только девять лотов; надевая их, не надо помадить волосы толстым слоем сала и обсыпать мукою. Были между парикмахерами великие артисты своего дела, так, Леонар, парикмахер несчастной королевы французской Марии Антуанетты, очень прихотливо распорядился громадными дамскими куафюрами, пудрой, голубиными крыльями (ailes de pigeon) и т. д. Когда революция поколебала французский трон и снесла высокие головные уборы, он переехал из Франции. Про него существует следующий анекдот: раз, причесывая графиню Разумовскую, которая спешила на бал и хотела блеснуть новою причес-

кою, но для этого ничего не было под рукою – цветы, перья, бриллианты, все это уже было старо – графиня сообщает свое горе Леонару. Парикмахер ходит по комнатам, ожидая вдохновения. Вдруг в уборной графа видит он короткие штаны из красного бархата. Он их хватает, разрезает ножницами, собирает огромным пухом и устраивает графине оригинальный, дотоле невиданный головной убор, имевший громадный успех.

В Екатерининское время за туалетами просиживали целые часы, иная щеголиха засядет в пудермантеле, горничная рвет бумажки, а девчонка бегают, раскаляет щипцы. Одевались тогда более по произволу, хотя и прибегали к модным портнихам, чепечницам и волосочесам. Употребительная прическа молодых красавиц была следующая: делали посередине головы большую квадратную буклю, будто батарею, от нее шли по сторонам косые крупные букли, словно пушки, назади шиньон и вся прическа была не менее полуаршина вышины, что называлось «le chien couchant» (западная собачка). Употребляли пудру разных цветов – розовую, палевую, се-

ренькую, а la vanille (ванильного цвета), а la fleur d'orange (апельсинного), mille fleurs (разноцветную). Щеголиха держала длинную маску с зеркальцами из слюды против глаз, и парикмахер пудрил дульцем, маленьким мехом или шелковою кистью. Некоторые имели особые шкафы, внутри пустые, в которых пудрились, барыня влезала в шкаф, затворяли дверцы, и благовонная пыль нежно опускалась на ее голову. Девицы ходили в волосах с гирляндами, перьями на головах, иногда с наколками. Старики ходили распудренные в буклях, в парике и с кошельком назади, некоторые носили локоны, бархатные сапоги, трость в руке. Тростями щеголяли – у иного важного вельможи трость стоила не одну тысячу. Трость графа Кирилла Разумовского оценивалась в 20 тыс. руб. – была она вся из агата с алмазами и рубинами. Князь Лобанов-Ростовский имел у себя целую коллекцию тростей, которую купил у него граф И.И. Воронцов-Дашков за 75 тыс. руб. Замужние женщины в конце прошедшего столетия носили на голове троки наколки, тюрбаны с бриллиантами, перьями и платья круглые молдаван с

хвостами из бархата, штофа, атласа, люстрина, гродетура, гроденапля. Ко двору надевали робы вышитые шелками, с глазетовыми юбками, с длинными, аршина в полтора хвостами или русские с рукавчиками назади, последние стоили по тогдашней цене не менее тысячи рублей. К этому наряду прибавляли фижмы, обшитые обручи, по аршину с боков, которые поддерживали, сжимали, опускали пожеланию. Смешно было видеть двух таких щеголих дам в четырехместной карете. Они корчились, высокая прическа достигала империиала, а огромные фижмы высывались из окон кареты. Запросто выезжали в платьях из линобатиста, тарлатана, кисеи, в шляпках, чепцах, летом с зонтиком, зимой в бархатных шубах с золотыми петлицами и с муфтами большими или из ангора с длинной шерстью. Веер служил занятием для рук, он защищал от солнца, помогал скрыть смех, шепнуть словцо. Белились, румянились очень прилежно, а также сурьмили брови, налепляли мушки величиною с гривенник и кончая мелкою блестякою. Мушка имела значение: большая у правого глаза называлась *тиран*, крошечная,

на подбородке – *люблю, да не вижу*, на щеке – *согласие*, под носом – *разлуку*.

В Екатерининское время вошло в моду ходить на красных каблучках (*les talons rouges*). Красные каблуки означали знатное происхождение. Эта мода была перенята у французов, где существовал этот аристократический обычай при последних трех королях.

При Екатерине II, когда на куртагах явилась роскошь в женских туалетах, для дам были придуманы мундирные платья по губерниям, и какой губернии был муж, такого цвета и платья у жены. Юбка у таких платьев была атласная, а сверху что-то вроде казакина или сюртука, довольно длинного, из стамеди, цвета губернии, с шелковой оторочкой другого цвета.

Пудра в начале нынешнего столетия начала исчезать. Молодые модники стали являться в большом свете без пудры, буклей и кошельков. Сначала на это смотрели как на неслыханное новшество, введенное якобинцем Шампаньи и его свитою. Но мода очень скоро взяла свое, и над пудрою в щегольских гостиных стали подсмеиваться. Однако при

дворе и в некоторых гостиных, где строго еще держались старых правил, без пудры никто не смел являться. Молодые щеголи, после визитов в такие гостиные, когда им хотелось побывать еще у кого-нибудь, принуждены были наскоро бежать домой, чтобы вымыть себе голову и предстать в салоны, как того требовала новейшая мода.

Но при императоре Павле никто не смел и подумать о том, чтобы без пудры носить волосы или надеть французское платье. Пудру перестали носить только после коронации императора Александра I, когда она была отменена для солдат. Когда молодой государь перестал употреблять пудру и остриг волосы, то, глядя на него, и другие сделали то же. Но все-таки еще до тридцатых годов нынешнего столетия были знатные старики, которые гнушались новой модой. К таким принадлежали в Москве князь Юсупов, Куракин, Лобанов, Остерман и еще некоторые другие отставные сановники, которые появлялись в обществе во французских кафтанах, в белом жабо, белом пикейном камзоле, в чулках и башмаках.

Богатые вельможи без должностей, начи-

ная с века Екатерины, стали переселяться в Москву, где они щеголяли роскошью и разными модными нововведениями. Дома их походили на дворцы. В чертогах их были штоф, позолота, бархат, картины, бронза, гобелены, полы из цветного паркета с коврами, у дверей – дюжины официантов в галунах, буклях и шелковых чулках. В таких домах содержалось по пяти докторов, как бы в больнице: один для мужа, другой для барыни, третий для детей и два для слуг. Тогда про лекарей говорили: «Мой знаменит, твой любезнее, прочие подешевле»; гостиная такого барского дома была загромождена софами и новомодными диванами; последние впервые у нас появились после взятия Очакова, название они получили от Потемкина. Перед диванами на столах имели обыкновение раскладывать фарфоровые куколки и игрушки «рококо», стоящие иногда несколько тысяч руб.; такая модная гостиная в то время скорее походила на магазин и служила вывескою безрассудного тщеславия.

В дни балов и модных собраний или раутов, на лестнице с бархатными коврами дела-

ли целую рощу из померанцевых деревьев, а шпалерник представляли лакеи, расставленные по ступеням; за ужином аршинные стерляди, малины и вишен целые горы, несмотря на январь месяц; приезжали гости на такие праздники в семистекольных каретах, цугом, назади два араба или егеря, впереди два вершника и два скорохода.

Богатыми в Екатерининское время слыли такие, кто имел до 9 тыс. руб. дохода – эти счастливицы выходили из общего уровня, держали более слуг, лошадей и т. д.

Дома такие помещики имели в столицах собственные; последние переходили от одного поколения к другому и оставались в роду без переделок; до начала нынешнего столетия не выводили ни одного дома с колоннами, всюду господствовала простота. На лестнице рядом были кладовая с железной дверью и двое огромных сеней, одни за другими, которые перегораживали строение; особой прихожей не было, частенько босая девка отворяла дверь. Одноэтажный дом стоял из семи-восьми комнат под сводами: для хозяев – спальня, кабинет; для дочерей и сыновей,

сколько бы их ни было, с учителем, также по одной, столовая, гостиная, девичья; полы дощатые. В приемной комнате – софы, кресла из черной кожи с медными гвоздиками или плетеные из ремешков, обои с грубыми разводами петушками, с человеческими лицами коричневого и с облаками зеленого цветов; трюмо из составных стекол, окрашенные, с одной резьбою, заменяли зеркала; в окнах мелкие переплеты – такие дома походили на темные архиерейские кельи. Раз заведенный порядок в таких домах не нарушался; поутру собирались к чаю, затем расходились: барышни – за рукоделья, мальчики – за уроки. Обед в этом доме в полдень, яства самые простые: щи, каша в горшках и бутылки с квасом; хозяин в тулупе, хозяйка в салопе; за столом каждый день обедал приходский поп, который сидел по правую руку, рядом с ним – приходский учитель и шут; по левую сторону – толпа детей, старуха-нянька, мадам и гувернер-немец. Такой хозяин дома был обыкновенно старый князь, владелец тысячи душ крестьян, помнящий страх Божий и воеводство.

Обеду него из деревенских запасов, прие-

дет гость, к столу прибавят левашники или дутый пирог и бутылки белого вина; после обеда отдых, хозяева спят и потом все обедающие сходятся вместе, раскладываются карты, хозяин читает печатные ведомости, отписки из деревень, супруга вяжет чулок; вечером горят сальные свечи, казачок снимает с немцами или щипцами нагоревшую светильню; в десять часов все уже члены семейства спят. Слуги такого дома оборваны, грубы, вечно пьяны; в прихожей старые лакеи сидят и вяжут чулок. Комнаты без обоев; на стенах висят произведения кисти крепостного художника по обыкновению, картины со следующими сюжетами: Юдифь, держащая окровавленную голову Олоферна над большим серебряным блюдом, или обнаженная Клеопатра с румяными грудями, которые кусает огромная змея.

Такой помещик имел также свой штат: у него жили бедные дворянки с детьми, мамы, няни, барские барыни; первые жили на покое, вторые выдавали сахар, кофе, чай, наблюдали за хозяйством; барские барыни одевали госпожу, смотрели за ее гардеробом, чи-

стотою комнат, выезжали с барынею по гостям. Из мужчин главными лицами были дворецкий, дядька сыновей, затем казначей, парикмахер, стряпчий, были еще в доме купчины; стряпчие хлопотали всякий день в присутственных местах, редкий помещик не имел тяжбы; второй – раза два поутру сбегает в ряды за шпильками, булавками, за палочкой сургуча. Спали мамы, няни в детской на сундуках, скамейках; мужской персонал – в столовой, передней, на войлоках. Слуги тогда по большей части отличались высоким ростом, дородством и важной осанкой. В числе домашних забавников стояли за стульями во время обеда господ карлики, шуты и дураки; шуты были в шелковых разноцветных париках, с локонами, в чужом кафтане, в камзоле по колено; они передразнивали господ, ругали их, им позволялось говорить правду, дураки были одеты в одежде из лоскутков, над ними все смеялись, дергали, толкали, мазали их горчицей по губам и всячески им надоедали.

Модная галломания. – Подражание иностранцам. – Характеристика московских модников. – Республиканские прически. – Щеголи и щеголихи начала XIX столетия. – Знаменитая «гардероба» графа Разумовского. – Щегольство графини Разумовской

Мода ко всему французскому и введение французского языка во всеобщее употребление в России начались в царствование императрицы Елизаветы Петровны; в то время так она вкоренилась в обществе, что даже в официальных бумагах многие казенные учреждения стали появляться под французской кличкой. Так, например, Российская Академия наук в это время стала называться «Дасианз академия». В эти годы двор, как и дворянство, стали бредить, подражать и преклоняться всему, что приходило из Парижа. По словам современников, в те годы приезжий иностранец не имел нужды в своей ложке и тарелке: везде двери для него были отворены:

«Милости просим, чем Бог послал – кушай на здоровье, не брани». Подражанием иностранцам, кажется, посейчас еще страдает русское общество. Такие рабские подражания французам осмеяли наши лучшие тогдашние драматурги Княжнин и Фонвизин. Первый в лице героя Фирюлина модной в то время пьесы «Несчастье от кареты», и второй – в «Бригадире», душа сына которого, как говорит одно из действующих лиц комедии, принадлежит французской короне. И.А. Крылов еще злее посмеялся над тогдашней столичной и провинциальной галломанией. Смеялся также много и граф Ростопчин над французским языком и полубарским воспитанием значительной части дворянского сословия. В первых годах нынешнего столетия, кажется, все хотели прослыть иностранцами. Посетивший в 1810 году Москву поэт Батюшков вот что о ней писал в письме к своему приятелю: «Здесь все картавят и кривляются. Зайдя в конфектный магазин, на Кузнецком мосту, где жид или гасконец Гоа продает мороженое и всякие сласти, я видел большое стечение московских франтов, в лакированных сапо-

гах, в широких английских фраках и в очках, и без очков, и растрепанных прическах. Этот, конечно, англичанин – он, разиня рот, смотрит на восковую куклу. Нет, он русак и родился в Суздале. Ну, так этот француз, он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревовещателе, который в прошлом году забавлял весельчаков парижских. Нет, это старый фронт, который не ездил далее Макарья и, промотав родовое имение, наживает новое картами. Ну, так этот немец, этот бледный, высокий мужчина, который вышел с прекрасной дамою? Ошибся! И он русский, а только молодость провел в Германии. Но по крайней мере жена его иностранка: она насилу говорит по-русски. Еще раз ошибся: она русская, любезный друг, родилась в приходе Неопалимой Купины и кончит жизнь свою на святой Руси. Прошу заметить еще пожилого человека в шпорах. Он изобрел в прошлом году новые подковы для своих рысаков, дрожки о двух колесах и карету без козел. Он живет на конюшне, завтракает с любимым бегуном и ездит нарочно в Лондон, чтобы посоветоваться с известным коновалом о болезни своей

английской кобылы».

В иностранных книжных лавках Батюшков видел беспрестанно покупающих модниц, не уступающих парижским в благочестии, которые с жадностью читают глупые и скучные проповеди, лишь бы только они были написаны на языке медоточивого Фенелона, сладостного друга почтенной девицы Гион. Придя в городе, здесь он видел совершенно восточный базар: тут были грек, татарин, турок в чалме и в туфлях; там сухой француз в башмаках, искусно перескакивающий с камня на камень, тут важный персиянин и т. д.

На модном тогда Тверском бульваре опять целая толпа праздных жителей. Хороший тон и мода требовали, чтобы сюда приходили франт и кокетка, и старая вестовщица, и жирный откупщик и т. д. Какие странные наряды, какие лица! Здесь вы видите приезжего из Молдавии офицера, внука придворной венской красавицы, наследника подагрика, которые не могут налюбоваться его пестрым мундиром и невинными шалостями. Тут вы видите провинциального щеголя, который прие-

хал перенимать моды и который, кажется, пожирает глазами счастливца, прискакавшего на почтовых с берегов Секваны – в голубых панталонах и в широком безобразном фраке. Здесь красавица ведет за собою толпу обожателей; там старая генеральша болтает со своею соседкой и возле них откупщик, тяжелый и задумчивый, который твердо уверен в том, что Бог создал одну половину рода человеческого для винокурения, а другую – для пьянства, идет медленными шагами с прекрасною женою и с карлом. Университетский профессор в епанче... пробирается на пыльную кафедру. Шалун напевает водевили и травит прохожих своим пуделем, между тем как записной стихотворец читает эпиграмму и ожидает похвалы или приглашения на обед.

В конце прошедшего столетия особенно сильно подражали французам: бывшие моды и революции Версаля уже не появлялись у наших щеголей и щеголих; последние из маркиз превратились в диан, галатей, венер, аврор, весталок и омфал. Платья на манер этих древних богинь вывели из употребления фалбалы и палатины на польский и немецкий

лад и другие наряды на английский манер. Прическа мужчин и женщин состояла из коротко подстриженных на шее волос, так, как стригли волосы тем, которых гильотинировали. Такая прическа называлась *ala Titus* и *a la Гильотен*. Вместо башмаков женщины носили сандалии на босую ногу, и на пальцы ног вздевали бриллиантовые кольца. Греческие моды, подобно Франции, у нас держались довольно долго, и женщины носили сперва обтянутые батистовые платья, надевали на обыкновенные рубашки, потом вместо таких прозрачных носили кисейные на батистовых рубашках и после совершенно уничтожили рубашки и надевали трико, украшая ноги и руки золотыми обручами, которые надевали даже выше колен. У мужчин вошли еще безобразнее одеяния: фраки с длинными и узкими фалдами, жилеты из розового атласа, сапоги с кистями и огромные галстуки, закрывающие подбородок, длиною в несколько аршин, которые надлежало обматывать вокруг шеи.

С 1800 года модные женские платья не были особенно красивы: платья носили очень

узенькие, пояс под мышками, спереди нога видна по щиколотку, а сзади у платья хвост; вскоре платья совсем окургузели и вся нога стала видна; на голове начали носить какие-то картузы; безобразия чепцов и шляп было такое, что теперь себе нельзя представить. Только у пожилых дам туалеты были еще хороши и несравненно богаче; тогда замужние женщины носили материи, затканые серебром, золотом и цельные глазетные. Роскошь в нарядах после коронации Александра I была большая: с того времени современники стали замечать большое величие, особенно в бальных платьях, и с этой же эпохи стали отделывать роскошно комнаты в домах и начали обедать часа в четыре и пять – не так, как прежде, в двенадцать.

В эти годы мужчины на балы являлись всегда в шелковых чулках и башмаках, явиться в сапогах на бал никто не посмел бы, и только военные имели ботфорты, статские все носили башмаки, на всех порядочных людях были дорогие кружева, это много придавало щеголеватости. Кроме того, пудра на других очень красива. Женщины и девицы еще румяни-

лись, от этого не бывало зеленых и желтых лиц. Сутра румянились слегка, но вечером, перед балом, румянились сильно, были и щеголи, которые прибегали к этому тоже. Обычай румяниться на Руси – самый древний и, по словам иностранцев, бывших у нас в XVIII веке, румянились у нас все женщины, начиная от княгини до последней крестьянки. Из исторических щеголей известен Лев Разумовский, в свое время он превосходил любезностью и щегольством всех своих современников. Не раз отцу этого франта приходилось уплачивать долги молодого щеголя. Однажды к отцу его явился портной со счетом в 20 000 руб. Оказалось, что у графа Андрея в «знаменитой его гардеробе» одних жилетов было несколько сотен. Разгневанный отец повел графа Андрея в кабинет и, раскрывая шкаф, показал ему кобеняк и мерлушечью шапку, которую носил в детстве.

– Вот что носил я, когда был молод, не стыдно ли тебе так безумно тратить деньги на платье, – сказал гетман.

– Вы другого платья и носить не могли, – хладнокровно отвечал сын. – Вспомните, что

между нами огромная разница, вы – сын простого казака, а я – сын российского фельдмаршала.

Гетман, любивший и сам отпустить острое словцо, был обезоружен ответом сына.

Жена брата этого Разумовского, графиня Мария Григорьевна, отличалась еще большею безумною роскошью в своих туалетах. Страсть ее к нарядам доходила до того, что когда в 1835 году в Вене собиралась она возвратиться в Россию, то просила проезжавшего через Вену приятеля своего, который служил в Петербурге по таможенному ведомству, облегчить ее затруднения, ожидавшие ее в провозе туалетных пожитков.

– Да что же намерены вы провезти с собою? – спросил он.

– Безделицу, – отвечала она. – Триста платьев!

Графиня Разумовская очень любила Париж и, как простодушно сознавалась, любила его потому, что женщины немолодые там носят туалеты нежных светлых оттенков «Ах, улица эта губит меня», – шутя говаривала она на другой день после приезда своего, гуляя по

gue dela Raix. В Париж она уезжала каждые три года. Перед коронацией покойного государя графиня решила съездить туда, чтобы заказать приличные туалеты для готовящихся торжеств в Москве. Петербург не был еще связан сетью железных дорог с Европою. Путешествие было долгое и утомительное. Графиня, нигде не останавливаясь, одним духом доехала до Парижа – ей было тогда 64 года, приехала она довольно поздно вечером, а на другой день, утром как ни в чем не бывало гуляла по любимой своей rue de la Paix. В то время в Париже находилась старая венская приятельница и ровесница графини, княгиня Грасалькович, урожденная Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, несмотря на свои преклонные лета. Узнав, что Разумовская одним духом доскакала до Парижа для заказа нарядов, княгиня с завистью воскликнула: «После этого мне остается только съездить на два дня в Нью-Йорк».

Мода на драгоценные камни у нас существует исстари, еще московский великий князь Василий Иоаннович к немалому соблазну своих современников следовал моде

записных щеголей Западной Европы, навешивал на себя пуговицы, ожерелья, на руках носил множество перстней, мазался благовониями, притирал себе губы, сурьмил брови, румянил и белил щеки и т. д. По свидетельству епископа Алансонского Арсения, присутствовавшего на парадном приеме, сделанном в Золотой палате царицею Ириной Годуновой, женою царя Федора Ивановича, на царице так много было драгоценностей, что смотреть на нее без удивления нельзя было, наряд ее был весь покрыт алмазами, изумрудами и жемчугами. Историки, видевшие венчание царя Алексея Михайловича, говорят, что на царице так много было драгоценностей, и брачный наряд так был тяжел от драгоценных камней, что царица вынуждена была переодеться. То же самое повторилось и с императрицею Анной Иоанновной в день ее коронации. Один только император Петр I не особенно уважал блеск драгоценных камней, хотя и посылал за ними первых разведчиков, голландцев и итальянцев, на Урал. Но зато его любимец Меншиков у себя имел их на миллионы. Миних в своих воспоминаниях

рассказывает, что императрица Анна в угоду временщику Бирону тратила много миллионов рублей на покупку бриллиантов и жемчугов для его жены. Платье последней стоило до 400 000 руб. и другое, осыпанное жемчугом, 100 000 руб. Бенигна Бирон носила на себе бриллиантов на 2 млн. руб. При императрице Елизавете Петровне, по рассказам бриллианщика Позье, бриллиантов при дворе было столько, как ни у одного европейского двора. Он говорит, что когда в первое время по восшествии своем на престол император Петр III выписал из Германии своего дядю принца Георга Голштинского и его семейство, то он принужден был им наделать несколько уборов из фальшивых камней разных цветов, подобранных и перемешанных с бриллиантами, чтобы, когда они явятся ко двору, то наши дамы не сказали бы: «Смотрите-ка, эти иностранки чуть не голые приехали к нам». Бриллианты всегда были мерилем богатства. Хотя у многих наши аристократок были и поддельные, и одно время, в начале нынешнего столетия, был обычай на балы даже являться в чужих бриллиантах, и случалось да-

же так, что сегодня взятые напрокат бриллианты были надеты на одной и завтра на другой, хотя все это знали, но не считали это предосудительным.

Царствование императрицы Екатерины II можно назвать веком моды на бриллианты и цветные камни. Царедворцы ее века все щеголяли драгоценными камнями. Кирилл Разумовский имел целый мундир, залитый бриллиантами. Потемкин носил на голове шляпу, всю осыпанную бриллиантами. У него на празднике в Таврическом дворце танцевали двадцать четыре пары из значительных фамилий в костюмах, украшенных бриллиантами, которые в итоге стоили десять миллионов рублей. Граф Нельи рассказывает про модника Екатерины II Зубова, что его мундир был залит бриллиантами и что он имел страсть носить в кармане камзола алмазы, которые пересыпал на руке, любуясь их игрою и блеском.

Дочь графа Орлова-Чесменского владела коллекцией драгоценных камней, которые в сложности стоили не один миллион. У ней на шее была длинная нить крупного жемчуга, в

несколько раз обвитая вокруг шеи, она спускалась до пояса. Каждая жемчужина была величиной, как две самые крупные горошины, положенные одна возле другой, т. е. продолговатые и удивительного блеска. Нить этого жемчуга оценивалась в 600 тыс. руб. Покойная императрица Александра Федоровна говорила: «Je n'ai pas de perles telles que la comtesse Orloff».[1]

Дорого стоившею страстью – собирать бриллианты – известна была Татьяна Васильевна Юсупова, в числе ее драгоценных камней был между прочим ею куплен знаменитый бриллиант, называемый «Полярная звезда»; она купила также диадему бывшей королевы неаполитанской Каролины, жены Мюрата, и жемчужину, известную под именем «Перегрины», стоившую 200 000 руб. и принадлежавшую некогда королю испанскому Филиппу II. Кроме того, у нее было огромное собрание камней с вырезанными на них эмблемами и девизами.

В начале нынешнего столетия мода на драгоценные камни особенно сильно процветала, и были даже особы мужского пола, кото-

рые ими себя украшали. Вигель в своих воспоминаниях описывает одного такого, который в пятьдесят лет румянился, белился, сурьмил себе брови, чернил волосы и, следуя старинной моде, носил двое часов или по крайней мере от них две цепочки с брелоками, которые длинно висели из жилетных его карманов и которыми он побрякивал. Табакерки из яшмы, перстни бирюзовые, аметистовые, коими покрыты были его пальцы, и наконец две цепочки из разных камешков, которые поверх жилета носил он крестообразно; всего же примечательнее в его сокровищнице был огромный лалл, который при важных оказиях в виде застежки являлся у него на груди.

Мода на драгоценные камни немного упала в начале царствования императора Александра I. Это случилось после расхищения гардемебля во Франции, когда все легковесные драгоценности были увезены из Парижа и фортуны раздробились, сравнялись; новая мода, которую война и торговля потом так быстро создали, не успела еще составиться, и женщины вместо бриллиантов принуждены

были украшаться камнями и мозаиками, их мужьями и родственниками награбленными в Италии.

Нам и тут надобно было подражать: бриллианты, которыми наши дамы были богаты, все были попрятаны и предоставлены для ношения купчихам. За невероятную цену стали доставать тогда резные камни, оправлять золотом и вставлять в браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнее. В Москве в это время проживал богатый помещик Голо-ов, который на украшение из камеев потратил все свое состояние. Он платил за одну камею какого-нибудь античного мастера по пяти тысяч рублей и более.

IV

Страсть к духам и косметикам. – Доктора. – Модные обмороки и нервы. – Модная страсть к минеральным водам. – Лекарство от всех болезней. – Эпоха танцевального увлечения. – Страсть к музыке. – Обожание певцов и певиц

Косметики и духи вошли в употребление у нас только в конце прошедшего столетия; с этого времени наши придворные дамы, кроме гулявной воды (розовой) да зорной и мятной настойки (холодец), других духов не знали. Первыми явились в моду при Екатерине II «Амбровые яблоки», род саше; последние считались предохранительным средством от чумы и других эпидемических болезней. Вместе с ними стали получать из-за границы кармскую мелисную воду, затем лоделаван (лавендная настойка). Общеупотребительный теперь одеколон появился после похода наших войск в Францию; последний очень любил Наполеон I и мыл им плечи и голову. Ще-

голихи Екатерининских времен для восстановления своей увядшей телесной красоты брали молочные и земляничные ванны. Первые духи были «Вздохи амура» и затем «Франжипан», изобретенные итальянцем Меркурио Франжипани. В числе косметических средств наши красавицы-прабабушки употребляли для лица следующие простые вещи: для мягкости кожи обкладывали лицо на ночь парной телятиной; от веснушек натирали лицо раздавленными сорочьими яйцами; для гладкости и белизны употребляли дынное семя, тертое с бобовой мукой, также огуречное молоко; прыщи с лица сводили отваром травы исоба. Мыло первое у нас стало известно казанское яичное, ввели его в употребление татары. Пудра первая была привезена из Франции, называлась она а la марешаль; там она явилась во время регентства. Первые французские помады для волос стали употреблять в Павловское время, цена за небольшую банку стояла очень высокая, не менее одного рубля. Для белизны лица наши барыни натирали лицо свинцовыми белилами, румянились кошенилью и также втирали в щеки бодягу.

Мушки, как мы уже говорили, тогда играли большую роль; изобретены они были в Лондоне герцогиней Нью-Кастель – под ними она скрывала прыщи, бывшие у нее около рта. Мушки у нас готовили из черной тафты, носили их всегда при себе в очень изящных золотых, черепаховых и перламутровых маленьких табакерках; мушки имели самые прихотливые рисунки звезд, луны, собак, лилиц и даже карет, запряженных четвернею лошадей. Были также еще известны в старое время косметические маски Поппеи; последние надевали на ночь на лицо и после утрома употребляли утиральники Венеры; это были куски замши, натертые спермацетом с белилами; надевали на ночь такие же перчатки и на руки. Очень модным в конце прошлого столетия считалось на груди носить блошные ловушки на шелковой ленточке или золотой цепочке; ловушки делались из розового дерева, слоновой кости, из серебра или золота; это были небольшие трубочки со многими дырочками, снизу запертые, а вверху открытые, в которых ввертывался ствол, намазанный кровью, медом, сиропом или какою-нибудь

липкою жидкостью.

Также в числе модных всяких увлечений в русском обществе была и страсть к докторам и разным лекарственным панацеям. Иностранные медики еще в царствование Екатерины II считались не лучше цирюльников и в полках у полковых командиров и штаб-офицеров как бы жили в услужении; при их домах исполняли домашние поручения, как, например, расчесывали их парики и прочее. Но в 90-х годах доктора уже стояли в большом почете и за визиты им платили слишком щедро – рублей десять, двадцать пять и даже за визит в уездах рублей сто. Первые иностранные доктора были выписаны из Англии в 1581 году; скорее это были фельдшера. Назначение докторов зависело от первенствующего в государстве медика, носившего звание *архиатера*; звание это у нас существовало до учреждения медицинской коллегии 12 сентября 1763 года, последний архиатер был Кондоиди. За иностранными лекарствами у нас нарочно посылались доктора в иностранные земли, но были медикаменты и отечественные; последние собирались под видом особой

подати, для чего заведены были особенные записные книги. Так, например, из поволжских губерний и Астрахани привозили солодовый корень, из Сибири – барьян, от болгар и китайцев – ремень; последний продавался долгое время исключительно от казны. При царе Алексее Михайловиче разведены вдоль западной стороны Кремля и в селе Измайлове аптекарские огороды; к собиранию и распознаванию трав служили так называемые травники, державшие рисунки и описание растений. Первая русская лечебная книга была переведена с польского языка в 1588 году; русские лекаря и рудометы (кровеметатели) получили образование от прибывших медиков-иностранцев; первые такие были набраны из стрелецких детей. В древности у нас у каждой царевны была своя бабка-лекарка; лишь Наталья Кирилловна, первая царица, лечилась у мужчины, гортанного лекаря Ивашки Губина. Страсть к знахарям и знахаркам у нас долго держалась. Кирилл Разумовский тоже пользовался от подагры у какой-то бабы, которая грызла ему ногу и прикладывала сопранизированных котов в виде припар-

ки. Орлов-Чесменский тоже был вылечен знахарем Ерофеичем, давшим свое имя известной водочной настойке. Женские нервы в конце нынешнего столетия не были еще известны, хотя и тогда прекрасные половины падали в обмороки. Обмороки в это время вошли в большую моду и последние существовали различных названий: так, были *обмороки Дидоны, капризы Медеи, спазмы Нины, вперы Омфалы, обморок кстати, обморок коловратности* и проч. и проч. Нервы стали известны чуть ли не в двадцатых годах нынешнего столетия; стали входить они в моду вместе с искусственными минеральными водами или, как их тогда называли, кислыми.

В ряду модных явлений обыденной общественной жизни в двадцатых годах нынешнего столетия особенно резко сказалась страсть аристократического общества к лечению минеральными водами. Новизна и мода влекла праздное общество к питью кислых вод. В эти годы весною вся аристократическая Москва просыпалась уже в пятом часу утра и катила на всевозможных экипажах в заведение старого московского врача Лодера, устроенное

над Москвой-рекой близ Крымского брода. Лодер вместе с молодым доктором Енихеном первый завел в России искусственные минеральные воды. Помещались они в очень обширном саду с галереями. Здесь уже в пятом часу утра гремела музыка и бродили толпы гуляющих больных. В первые годы больше всего лечились дамы и затем старики-сановники от неизлечимой болезни старости. Слава заведения Лодера искусственных вод была настолько сильна, что сюда съезжалась публика со всей России. В Петербурге минеральные воды открыли только в конце тридцатых годов. По предписанию Лодера при питье вод больные должны были ходить три часа; это ходьба, на взгляд простолюдина бесцельная, и вызвала поговорку, характеризующую праздную гуляку: «Лодерем ходит». Названное заведение в короткое время получило такую известность, что в Москву на минеральные воды не только что приезжали из Петербурга, да и из Сибири. Особенно сильно на них тянуло прекрасный пол. В «Московском вестнике» 20-х годов встречаем следующее интересное описание этих вод: «Янсон! Ян-

сон! Взгляни в окно: верно пожар? Скачут, стучат... невозможно долее спать! Шестой час и некому, кроме пожарных, будить Остоженку». – «Нет, сударь! не видно ни огня, ни дыму, небо ясно, но множество карет, колясок и дрожек тянутся... Странное дело! в шестом часу утра такой разъезд, это что-то необыкновенное». Спрашивающий одевается и выходит на улицу, здесь он встречает своего знакомого, который объясняет ему причину такого движения. Он идет с ним в заведение вод, и когда приходит к нему, то видит: весь его двор уставлен экипажами, сотни лакеев толпились перед крыльцом, посетителей была масса, они наполняли и здание минеральных вод, и большой сад. Мальчишки, раздававшие воду, едва успевали наполнять кружки и снабжать подходивших листочками шалфея для очищения зубов. Подрумяненные старушки, румяные женщины, бледненькие дочки, кавалеры всех сортов и рангов тянулись непрерывною цепью к источникам здоровья, к мальчишкам, разливавшим воду. Убогий оркестр наигрывал старинные марши и жосезы. Только ливреи и бороды, не постигая фанта-

зии своих господ, забавлялись на их счет; один кучер уверял, что господ обманывают: «Я сам видел, как брали воду из Москвы-реки». Один москвич, пивший эти воды, почтил их следующими стихами:

*Лишь только пять часов пробьет,
Жена моя уже одета.
И под крыльцом стоит карета,
И мы с пяти часов утра
Уж едем с нею со двора.*

и т. д. В эти же года явилось много излюбленных лекарств, или панацей, которыми лечились от всех болезней; к таким принадлежали: жизненный эликсир шведского столетнего старца; это была настойка из сабура, шафрана и горьких пряных кореньев; затем большой эффект производили также Гарлемские капли, будто бы добываемые со дна Гарлемского озера; затем наши отечественные лекарства были: *самохотовский эликсир* от ревматизма, *майский бальзам* надворного советника Немчинова, *аверин чай от золотухи*, *камергерский шауфгаузенский пластырь*, последний даже рекомендовался «от неловкого шага (?) и, как гласило описание, пригото-

лялся из каких-то червей. Также с этих лет вошло в большое употребление носить фонтанели на руках и лечиться китайским иглоукалыванием и т. д. Потребность общественной жизни в больших городах была причиною открытия и модных клубов. Первые такие дворянские собрания открылись в Петербурге и Москве в царствование Екатерины II. Начинались они 24 ноября, в день именин императрицы, и кончались 21 апреля, в день рождения государыни, и если этот день приходился не в Пост, то этим днем и оканчивались собрания. Съезжались обыкновенно сюда в 6 часов, и в 12 часов все разъезжались по домам. В Москве, например, великолепная и обширная его зала, окруженная с трех сторон колоннами, за ними балюстрада отделяла возвышенные площадки, где играют в карты, сидят, приходят, а в середине беспрерывно танцуют. Танцевальный зал в былые годы вмещал до пяти тысяч посетителей. В старину ни один из клубных дней не был пропущен обычными посетителями; тогда не входило в обычай переменять всякий раз платье, и небогатая провинциалка стояла рядом с

первою щеголихою. Здесь не считали генеральши унижительным находиться в обществе с ассессоршами и секретаршами; составлялись кадрили и танцевали от души до упаду. К Масленице приезжали из Петербурга гвардейские офицеры и в польских, в экосезах заключали брачные союзы. Но в первое время по учреждении собрания танцующих бывало немного, потому что менуэт был танец премудренный: поминутно, то и дело, что или присядь, или поклонись – и то осторожно, а то с чужим лбом стукнешься, или толкнешь в спину, или оборвешь чужой хвост платья и запутаешься. Танцевали только умевшие хорошо танцевать; то и дело было слышно: „Пойдемте смотреть, танцует такая-то с таким-то“, – и потянутся из всех концов залы, обступят круг танцующих и смотрят, как на диковинку, как дама приседает, а кавалер низко кланяется: тогда в танцах было много учтивости и уважения к дамам, вальс тогда еще не знали, и в первое время, как он стал входить в моду, его считали неблагопристойным танцем, как это – обхватит даму за талию и кружит ее по зале.

Позднее, как описывает англичанин Ж.К. Пойля в своих мемуарах, для летучих вальсов в целой Европе мастера только были русские, и кроме русских дам, этих чересчур быстрых, почти воздушных, не выдержит ни англичанка, ни немка, ни француженка. В самом деле, тогда быстрота с ловкостью в вальсе составляли всю славу наших танцев, и потому аристократический круг нашей молодежи, так сказать с детства сроднившийся с ловкостью вальсировать, резко отделял себя от экосезных и от экосезов, не трудных всякому. При императора Павле на вальс, или, как его тогда называли, *вальсон*, вышло запрещение. Но особенно при Екатерине II вошел у нас на балах в большое употребление полонез или польский. Им начинался каждый бал. Огинский и Козловский обессмертили его, написавши каждый по прелестному такому полонезу. Обыкновенно в полонезе в первой паре шел хозяин дома с почетнейшею из дам, мужчины выступали в нем сановито и выделявали величавые па, меняли руки и т. д. Полонез длился по получасу; все приглашенные гости принимали в нем участие. В начале нынеш-

него столетия, как пишет П.М. Дараган, полонез, заменив менуэт, исполнялся на петербургских балах под названием «круглого польского» вместе с вальсом. После польского шли на балах ала *греки, котильоны, англезы, гавоты, тампеты, матрадуры и манимаски.*

Первый из названных танцев исполнялся двумя парами; котильон, по определению танцевального словаря, то же что и контрданс, его плясали от четырех до восьми пар, и каждое лицо представляет свою роль попеременно. *Англез* по идее была пантомима любви и ухаживанья: женщина выделявала эволюцию следующего рода: то она убегала и уклонялась от ухаживания кавалера, который ее преследовал, то опять, подразнивая и кокетничая с ним в обольстительной позе, будто отдавалась ему, но когда он приближался, то мгновенно ускользала от него. *Гавот* был старинный французский танец медленных телодвижений. *Тампет*, как и название его – буря, выражал страстность и бурю телодвижений; *матрадура* – был танец вроде нынешнего кадрили, а *манимаска* – очень красивая полька с фигурами. Русские

танцы, которые иногда танцевали и при дворе, были по большей части хороводные и самый популярный *метелицы*, род кадрили. Такие русские пляски и хороводы устраивались при дворе Екатерины в дни Святков и на Масленице и также в старину в барских домах на девичнике, где съезжались родственники, молодые подруги, тогда там пели песни, под которые плавно в хороводе ходили павами танцующие девицы; вот под какие песни плясали: «Отставала лебедушка от стада лебединого», «Недолго веночек висел на столпике», «На море купалась утица, полоскалась серая» и т. п. Хором веселили помолвленную. Этот древний обычай означал прощальное торжество семейства. Особенно славилась своею русскою пляскою дочь чесменского героя, графиня Анна Алексеевна Орлова. В Александровское время русская пляска вошла в большую моду и на сцене, и в обществе исполняли ее с большим жаром. В Павловское время все танцы носят строго серьезный характер – сам государь на придворных балах принимал в них участие. Волкова в своей «Грибоедовской Москве» рассказывает про эпоху 1810 го-

да, что тогда плясали без отдыха, каждый день и не только по вечерам, на непрерывных балах, но и по утрам, на «завтраках с танцами».

Известный балетмейстер Глушковский, рассказывая про эту эпоху, говорит, что все первоклассные учителя бальных танцев были завалены уроками, и что престранную картину представляли иногда тогдашние танцклассы. Тут можно было видеть мальчика лет восьми, с булочкой в руке, прыгающего чижиком, немца-старичка с подвязанными зубами, который задыхается, но танцует до поту лица, армянина в национальной одежде, пожилых и молодых барынь, в папильотках на голове, которые со всеми грациями стараются выделывать падезефир и, поглядывая на всех, как будто спрашивают. «А что, каковы мы?». По словам Глушковского, репертуар тогдашних бальных танцев был самый обширный; в то время танцевали: *экосез, вальс, котильон, французскую кадрили* в восемь фигур, *гросфатер, полонез-сотан, пергурдон, гавот, вестриса, мазурку* в четыре пары; характерные танцы – *русскую, па-де-шаль,*

фанданго, матлот, венгерку, краковяк, алеманд, падекозак. В 1810 году завезена к нам из Парижа мазурка; последняя в эти годы вошла в большую моду, ее танцуют в четыре пары; по словам Глушковского, ее очень красиво танцевал актер Сосницкий: танцуя мазурку, он не делал никакого усилия, все было так легко, зефирно, но вместе увлекательно. Сосницкого приглашали наперехват во все аристократические дома как бального кавалера, так и танцмейстера. В сороковых годах сделалась самым модным танцем полька-редова и затем просто полька.

Осторожная, простая жизнь не могла пребывать в одном положении и постепенно изменялась. Прогресс внедрялся, показались прихоти, вкус, молодые красавицы вышли из-заперти. До сороковых годов нынешнего столетия девицы проводили время не лучше, как в монастырях: сидели за пальцами или вязали кошельки, подвязки, шнурки и быстро перекидывали коклюшки. Мама в очках, с чулком в руках забавляла рассказами о красоте своей. В молодости или как нападали на помещиков разбойниками, и как господа охоти-

лись в старые годы. Книг в то время было очень мало, читали всякую, без разбора, особенно сильное впечатление производили страшные романы мадам Радклиф или чувствительные Дюкре-Дюмениля. Матери редко брали дочерей с собою и то к старушкам – бабушкам, тетушкам; редко также бывали у девиц подруги. Всякое сообщество с мужчинами строго запрещалось, они и близко не подходили к ним. Увидели бы их разговаривающих – Боже упаси! Такая бы молва пошла. Дочь неотлучно находилась при матери. Но минуло это время, девицы не стали бояться мужчин, молодые красавицы вышли иззаперти, в домах слышалось бряцанье клавикордов, пение итальянских арий и т. п.

Увлечение музыкой в дворянских домах началось еще со времен Елизаветы Петровны, и наши молодые аристократки стали брать уроки музыки на арфе. Все наши молодые дипломаты были тоже записные меломаны. Петр III превосходно играл на скрипке, Корсаков, Ланской, Андрей Разумовский тоже были хорошие виртуозы на этом инструменте. Первые клавесины – первообраз нынеш-

них фортепьян – у нас появляются в конце царствования Екатерины II. Потемкин тоже очень любил музыку; у него неотлучно жил самородок скрипач и балалаечник Хандошкин. К Потемкину под Очаков собирался приехать Моцарт; Андрей Разумовский тоже не расставался с Гайдном и сам участвовал в квартетах; знаменитого Гайдна поражало в русском меломане тонкое музыкальное чутье, благодаря которому в сочинениях Гайдна он угадывал самые сокровенные побуждения, остававшиеся для большинства публики недоступными. Бетховен тоже находит в Разумовском вдохновенного покровителя и друга. Потемкин в своих походах возил с собою итальянскую оперу вместе с известным композитором Сарти, а также большой оркестр и капеллу певчих. Нарышкин, Безбородко, Строганов также щеголяют своими оркестрами. Особенно наши вельможи любили кататься по Неве на катерах со своей музыкой, и эта мода у нас особенно сильно процветала в царствование Александра I. А.Л. Шлецер рассказывает: «В душный летний вечер сижу я за своим письменным столом и слышу, вот

едет Григорий Орлов на яхте вниз по Неве, за ним – вереница придворных шлюпок... впереди лодка с сорока приблизительно молодцами, производящими музыку, какой я в жизни не слышал, а я воображал, что знаю все музыкальные инструменты образованной Европы. Казалось, как будто играли на нескольких больших церковных органах с врытыми трубами в двух низших октавах, и вследствие отдаленности звук казался переливающимся и заглушенным». Это было так же ново для слуха, как изобретенная впоследствии гармоника. Играл оркестр роговой музыки, изобретенной в России в 1757 году капельмейстером Нарышкина Марешем. По словам графа Кемеровского, между тогдашними меломанами ревность к искусству и к артистической славе породила зависть и соперничество. Великосветские музыканты не гнушались иногда играть со своими крепостными артистами. В описываемое время молодой князь Репнин состязался на флейте с придворным виртуозом, и его игра ставилась знатоками выше; в его же время слыла большой музыкантшей на клавесине княжна Кантемир. Сподвижни-

ца царицы Екатерины II Дашкова тоже известна была как музыкантша. Музыка в это время входила в круг образования великосветских людей, особенно дамы и барышни пели и играли на разных инструментах. В Москве и Петербурге баре учреждали хоры певчих, где сами пели вместе с крепостными людьми. Славились в то время в Москве хоры: Чашниковский, Бекетовский и Колокольниковский, в последнем участвовали купцы-любители, некоторые из них получили образование в Италии. Из этого хора вышел известный певец В.М. Самойлов. Увлечение церковным пением было до того сильно, что в церкви, где пели названные певчие по воскресным дням, съезжалась вся Москва, и к стыду были случаи даже аплодирования после исполнения ими концертов, как это сообщают очевидцы Вигель и Жихарев. Слабость к пению у многих из наших бар доходила до помешательства. Так, известный богач граф П.М. Скавронский вообразил себя большим певцом и композитором и окружил себя певцами и музыкантами; он разговаривал с прислугой своей по нотам речитативами; так,

дворецкий докладывал ему бархатным баритоном, что на стол подано кушанье. Кучер объяснялся с ним густыми октавами, форейторы – дискантами и альтами, выездные лакеи тенорами и т. д. Во время парадных обедов и балов его слуги, прислуживая, составляли трио, дуэты и хоры, сам барин отвечал им также в музыкальной форме.

Граф Ростопчин, по поводу увлечения наших дам итальянцами, пишет: «Наши дамы обезумели; певец оперы-буфф Мандини доводит их до крайних дурачеств. Из-за него они спорят, завистничают, носят девизы, которые он им раздает... Княгиня Д. аплодирует ему одна, вне себя кричит из своей ложи „Фора, браво“, – а княгиня К. с восторгом рассказывает, что Мандини провел у нее вечер в шлафроке и ночном колпаке. Жена его, публичная парижанка, повсюду принята ради мужа». Не менее увлекались талантами итальянцев, и лет тридцать тому назад еще многим, я думаю, памятны бенефисы Патти или Тамберлика, когда за ложу бельэтажа поклонники платили по пятисот и более рублей.

**Модные инвенторы. – Помещи-
ки-прототипы Кошкарова. – Поезда
помещиков. – Страсть к лошадям и
скачкам. – Мода ездить верхом. – Чу-
даки-спортсмены Новосильцов и Де-
мидов. – Балы аристократов-самоду-
ров**

В конце царствования Екатерины II у наших богатых помещиков явилось увлечение французами-агрономами, называли их тогда *инвенторами*. Против таких управляющих-самозванцев восстали сперва печать, потом и правительство. Известный в то время агроном Друковцев особенно стал сильно обличать «выезжих французских обманщиков». «Разоренных от них, – писал он, – видал я довольно, а обогащенных – никого». Полезные французские искусства, уверял он, здесь состоят в том: чесать волосы, вымышлять и наряжать дам в разнovidные уборы, обирать безбожно, сколько возможно обмануть больше тех, кто им поверит. Против них в акаде-

мическом регламенте явился указ: чтобы таковых прожектеров и инвенторов в знании их искусства в науках свидетельствовать в Академии, а без свидетельства никуда не определять. Прототипы гоголевского Кошкарва в описываемое время уже встречались; многие из помещиков жили на широкую ногу, комнаты украшались выписною мебелью, французская бронза, ковры, картины, турецкие диваны; множество экипажей, лошади; штат служащих при них был премногочисленный, свои художники, чтецы, секретари, парикмахеры, французы-повара и т. д. Также помещиков разоряла и неумеренная страсть к охоте; случаи, где меняли на борзых псарей и семейства людей с деревнями, были нередки. Когда такой барин ехал к себе в имение, обоз его ничем не отличался по длине от поезда железной дороги. В одном из журналов нынешнего столетия мы встречаем описание поездки одного помещика в деревню. Барин с барыней, перекрестившись, сели в великолепную коляску в шесть лошадей, за ними потянулась вереница других экипажей. Первая фура была нагружена «Московскими ведомо-

стями» и грудой сочинений в стихах и прозе, поднесенных помещику его почитателями. За библиотекой следовала кухня на трех повозках, за кухней ехали пять поваров: француз, итальянец, немец, русский и поляк; далее следовало десять поваренков, еще далее ехали доктор и цирюльник с домашней аптекой. В остальных экипажах находились актеры, актрисы, стихотворец, плясуны, музыканты, живописец, чтец, письмоводитель, горничная, камердинеры, парикмахеры, два шута; потом следовал гардероб барина и барыни. Владелец всего поезда в атласном шлафроке и зеленом сафьянном картузе гордо посматривал из своего экипажа на проходящих. По случаю этого выезда в деревню стихотворцем, находившимся в поезде, было написано аллегорическое стихотворение под названием «Аллегорическое шествие Аполлона и Дафны в село Талантов». Во время движения поезда чтец и трагический актер декламировали первое явление из «Эдипа», певцы и певицы пели «Лишь только занялась заря», шуты хохотали с горничными. Когда поезд добрался до деревни, крестьяне с такою же радостью и

торжеством встретили своего барина, с какою был встречен прибывший в свою деревню Тентетников. Впереди шел старик в зеленой куртке и вел за руку мальчика лет двенадцати в полосатом затрапезном халате. Когда поезд приблизился, раздался общий крик: «С приездом поздравляем, батюшка наш кормилец, Гаврило Петрович, и матушка наша Анна Семеновна!» Староста поднес хлеб-соль, старостиха – яйца, а мальчик в халате, размахнув руками, произнес речь, начало которой было следующее: «Высокородный господин! Когда усердие и благоговейное изъявление преданной покорности с сим хлебом-солью и яйцами является лучезарному лику твоему, да позволено будет дерзнуть излить пред тобою, высокородный господин, чувствование глубоко тронутого сердца». За речь мальчик получил от барина гривну. Когда барин вошел в приготовленные для него покои, человек в зеленой куртке, бывший приказчиком, предшествуя и растворяя двери, говорил: «Вот официантская, ваше высокородие, вот зала, ваше высокородие, вот гостиная, вот диванная, ваше высокородие, вот спальная, ва-

ше высокородие», – и т. д. Когда барин пошел осматривать село, приказчик рассказывал ему, где река, где луга, где пруд, где сады и прочие уголья.

Мода на большие парадные поезда была необыкновенно пышна: в начале нынешнего века богатый и сановитый помещик, отправляясь из Москвы в деревню, иногда имел свиту более, чем в двести человек. Так, например, известный орловский помещик Неплюев в своем вояже имел три восьмиместных линии, две или три же кареты четвероместные, многое множество колясок, кибиток, фур, дрожек, телег, и все это было переполнено разным народом. Подле главных экипажей, тянувшихся ровным шагом, шли скороходы и гайдуки, на запятках стояли и сидели вооруженные гусары и казаки. Вся внутренность экипажей разбита была, как сад, из всякого рода цветистых компаньонов и компаньонок, шутов и шутих и даже из дур и дураков, последние припрыгивали и взвизгивали голосами всяких животных. Сам хозяин в богатом гродетурном зеленого цвета халате, украшенном знаками отличий, лежал на сафьянном

пуховике в одной из колясок; на голове его был зеленый же картуз с красными опушками, отороченный, где только возможно, галунами. Из-под картуза виднелся белый колпак, ярко-пунцовый рубчик которого, оттеняя зелень картуза, составлял на самом лбу помещика какого-то почти радужного цвета кайму. Руки помещика держали гигантской величины трубку, малиновый индийский носовой платок и ужасную дорожную табакерку с изображением одного из мудрецов Греции. Даже небогатый помещик имел в дорожной своей свите несколько экипажей и до десятка-двух людей. Обыкновенно первой в поезде шла опять такая линия, за ней дорожная карета, потом коляска, две кибитки и, наконец, огромная фура с домашним скарбом. В числе свиты были непременно один настоящий казак и один такой же солдат-гусар и затем несколько собственных казаков, переряженных из конюхов, и до пяти солдат с унтерами, выпрошенных у начальства для конвоя. В те времена дороги не были безопасны от разбойников. В свите почти всегда следовали компаньоны-помещики, какой-нибудь бедный дво-

рянин, уволенный шкловский кадет, гувернер-француз, французенка-мадам, непременно в колоссальной шляпке. Не обходилось также и без певца, гитариста и флейтраверсиста. Казаки ехали верхами возле барской кареты во всем вооружении; гусары, егеря, унтер-офицер и солдаты были рассажены по всем экипажам. Главная путевая должность возлагалась на военных людей: они содержали неусыпный караул при экипажах, по приезде на станции они отводили квартиры и проч.

В старину считалось необходимою отличить себя новым егерем или новым гусаром-красавцем. Мода на таких выездных людей была самая губительная. Одна одежда егеря, а особенно гусара, доходила от пятисот рублей до тысячи, что составляло, если брать нынешнюю стоимость денег, до четырех тысяч. Но самая разорительная мода у наших помещиков была на лошадей и конские заводы с легкой руки графа Орлова-Чесменского, который сделал у нас почин кровного коннозаводства и с ним тесно связанного скакового дела. Первые такие публичные скачки на

призы в Москве были в 1785 году; граф Орлов выписал первоклассных скакунов из Англии; по его примеру в скачках с ним стали участвовать и другие богатые помещики, и также повыписывали из Англии лошадей. Соперником лошадей графа был также проживавший тогда в Москве царственный пленник, крымский хан Сагин-Гирей. Заведенные графом в Москве скачки продолжались до самой его кончины по четвергам весь май и июнь месяцы, и в них участвовали Д.М. Полторацкий, Муравьев, бригадир Чемоданов, братья Мосоловы, Савельевы, Загряжский, Д.Н. Лопухин, Темирязов, братья Всеволожские, К.И. Воейков и другие.

Один Орлов выписал из одной Англии 38 жеребцов и 53 кобылы, которые и вошли как элементы в созданные им породы: верховую и рысистую. Приобретение же арабских лошадей было произведено во время командования им флотом в Турецкую войну с 1770-го по 1774 год.

Выезды этого с другими коннозаводчиками на скачки и другие публичные увеселения, по словам современников, отличались

необыкновенною торжественностью – граф ездил постоянно на фаворитном своем коне Свирепом, граф был всегда в парадном мундире и обвешанный орденами, азиатская сбруя, седло, мундштук и чепрак были буквально залиты золотом и украшены драгоценными камнями. С графом всегда ездала и дочь его в сообществе нескольких дам; сопровождали Чесменского, по обыкновению, его побочный сын А.А. Чесменский, князь Хилков, Д.М. Полторацкий, А.В. Новосильцов и множество других особ. За ними следовали берейторы и конюшие графа, не менее сорока человек, из которых многие имели в поводу по заводской лошади в нарядных пополах и богатой сбруе, тянулись и графские экипажи, запряженные цугами и четверками одномастных лошадей. Современник графа С.П. Жихарев говорит о нем, что, когда он доживал свой громкий славы век в Москве, какое-то очарование окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшего на лаврах в простоте частной жизни, и привлекало к нему любовь народную. Чесменский герой был типом русского человека: могучий крепостью тела, могучий силой

духа и воли, он с тем вместе был доступен, радушен, доброжелателен, справедлив; вел образ жизни на русский лад и вкус имел народный. Эти свойства графа Орлова необходимо должны были покорить ему сердца всех окружающих, а окружающими его были все московские граждане, — они нечувствительно приняли его направление как в образе жизни, так и во вкусах. Со времени удаления графа от государственных дел любимым его занятием была конская охота, и вот все московские обыватели сделались конскими охотниками. С легкой руки графа Орлова между нашими помещиками быстро и широко развилась охота к рысакам. Привоз из Англии многотысячных лошадей стал повторяться чаще и чаще, — были такие любители, что платили по 15 тыс. руб. за одного выписного жеребца. В начале нынешнего столетия московское аристократическое общество считало самым модным обычаем ездить верхом и появлялось на улицах Москвы на своих многотысячных скакунах в более чем роскошной сбруе.

Вышеупомянутый Новосильцов, живя в Москве, поражал москвичей своим пышным

выездом. Он выезжал на великолепном коне, покрытом вышитым золотом чепраком: вся сбруя была составлена из богатых золотых и серебряных отличного чекана цепочек. Во время таких пышных своих уличных поездок в сопровождении богато одетой свиты он курил трубку. Последнее обстоятельство поражало всех и заставляло простонародье снимать перед ним шапки. В те времена куренье на улицах было строго запрещено. Новосильцова подразумевает Грибоедов в своем «Горе от ума», про него говорит Фамусов, называя его Максимом Петровичем.

Существовали в Москве и такие затейники, как, например, богач Демидов, который выезжал в таком экипаже, что глазам трудно было верить, в котором все было наперекор симметрии и здравому смыслу. На запятках – трехаршинный гайдуки карлица, на козлах кучером – мальчишка лет десяти, а фореитором – старик с седой бородою, левая коренная – с верблюда и правая – с собаку. Ездил один также на Москве зимою на колесах, а летом в санях. Проживал еще в Москве один ярый спортсмен Лавр Львович Демидов, кото-

рый даже носил особенное платье, приспособленное для верховой езды: летом ходил он в куртке серого сукна, панталоны в обтяжку в сапоги и круглая шляпа на голове. Зимой надевалась им длинная куртка на лисьем меху, теплый ваточный картуз, а на ноги белые вязаные лохматые сапоги, какие обыкновенно носились в то время женщинами. Собою Демидов был худ, держал себя прямо, копируя во всем англичанина. Он имел свой дом на краю города, в улице Ольховцы, близ Сокольников. В доме у него и во всем хозяйстве, в особенности же в конюшне, был полный порядок, экономия и чистота; и если эту чистоту нарушала даже муха, то и тогда следовало если не взыскание, то выговор, и выговор строгий по домочадцам. О пыли нечего и говорить. На дворе его всегда бегало с дюжину маленьких шавок – «позвонков». Беленькие, косматые, совершенно похожие одна на другую, они приветствовали каждого входящего в калитку таким звонким, учащенным лаем, и вертелись около него так быстро и дружно, хотя и без малейшего вреда, что невольно заставляли останавливаться и выжидать, когда

на лай выйдет кто-либо из всегда запертых дверей дома. Ворота решетчатого забора были всегда затворены и отворялись только тогда, когда хозяин в удовлетворение своей страсти «к лошадам» выезжал верхом или летом на беговых дрожках, а зимою в санках, промять застоявшуюся лошадь, что делалось каждый день, перемененно несколько раз. Демидов никогда не отлучался из дому и даже не ходил в церковь; однажды на вопрос знакомого, отчего он не был у обедни? «Нельзя, – отвечал он, – у меня три лошади стоят с развязанными на блоки хвостами, англазируются. Это очень опасно-с, хвост может зарости на сторону, я из конюшни почти не выхожу, там я сплю и чай пью, и обедаю». Когда открылась Николаевская железная дорога, Демидов выехал посмотреть на невиданное движение. Стал на полверсты от дебаркадера, возле дороги, на ровном месте, и когда, тронувшись, поезд поравнялся с ним, он пустился скакать вперегонки. «Нет, не обгонишь, – говорил он после. – Лошадь, знаете, устает, а машина идет себе все шибче-с и шибче».

Страсть к верховой езде почти в то время

была необходимостью. По рассказам старожилов, в Москве в осеннюю и дождливую погоду, дорога были совершенно недоступны для экипажа и подмосковные помещики почти все отправлялись в Москву верхом. Так, однажды въехал в Москву и фельдмаршал Сакен. Утомленный, избитый толчками, он приказал отпрячь лошадь из-под форейтора, сел на нее и пустился в путь. Когда явились к нему московские власти с изъявлением почтения, он обратился к губернатору с вопросом: был ли он уже губернатором в 1812 году, и на ответ, что не был, граф Сакен сказал: «А жаль, что не были! При вас Наполеон никак не мог бы добраться до Москвы».

В старое время, когда еще были живы Орловы, Шереметевы, Остерманы и другие представители московской аристократии и когда все эти магнаты жили с необычайной роскошью, то эта роскошь была совершенно азиатская, как и нравы, в то время господствовавшие, огромные дома по большей части убраны без всякого вкуса, бесчисленное множество слуг, крепостные театры, доморощенные танцовщицы, домашние оркестры, ежеднев-

ные обеды, богатые не качеством, но количеством блюд, и балы, на которые съезжалась вся Москва. Вот картина одного из балов 1801 года. По всему дому – бесчисленное множество слуг, и богато, и бедно одетых. В танцевальной зале гремит музыка, в ней почти все гости и сам хозяин, который в полном мундире и во всех орденах сидит среди первых сановников и почтенных московских дам. Этот аристократический круг, эти кавалерственные дамы и седые старики в лентах и звездах, толпа молодых людей, тоже вся без исключения в мундирах, – все это придает какой-то важный и торжественный вид балу, который во всех других отношениях, конечно, не мог бы назваться блестящим. Ужин отличается великолепным серебряным сервизом, да полнотою и обилием блюд. После ужина танца начинаются бесконечным а ла греком, одна фигура сменяет другую, и кавалер первый пары, несмотря на свои шестьдесят лет, решительно не знает усталости, он начинает престранную фигуру, очень похожую на хороводную фигуру, все пары путаются, общий хохот, суматоха, беготня; вдруг во время

танцевального разгула хозяин привстает и кричит громовым голосом «гераус», т. е. вон! Музыка умолкает, кавалеры раскланиваются с дамами, и в две минуты во всей зале не остается ни одного гостя. Гости такой обиды не понимают и через неделю опять танцуют у невежливого хозяина, только он на этот раз не кричит уже «гераус», а протрубит на валторне тоже нечто, что означает «Ступайте вон!» На это тоже никто не сердился, – вообще приличие зажиточные люди в доброе старое время понимали очень условно и знали только одно «показание к житейскому обхождению», напечатанное по повелению блаженной и вечнодостоной памяти Петра Великого. Книга эта учила, как держать себя в обществе, сохранять светское приличие и т. п. Так, эта книга не советовала придворному человеку «руками или ногами по столу везде колотить, но смирно есть, вилками и ножиком по тарелкам и скатерти не чертить» «Когда говоришь с людьми, – наставляла эта книга, – то будь благочинен, учтив, не много говори, а слушай. Если случится речь печальная, то надлежит быть печальну и иметь сожаление.

В радостном случае – быть радостну и являть себя весело с веселыми. От клятвы, чужеложства, игrania и пьянства должен себя вельми удержать; придворный прямой человек не должен носом храпеть и глазами моргать, и ниже шею и плеча, яко бы из повадки, трясти. Не зван и не приглашен в гости – не ходи, ибо говорится: кто ходит не зван, тот не отходит не бран. Во всех пирах, банкетах и прочих торжествах отнюдь никакой скупости или грабительства да не являет, дабы не признали гости. Также излишняя роскошь и прихотливые протори зело не вохваляются. Не малая гнусность есть, кто часто сморкает, яко бы в трубы трубит, или громко чхает и тем малых детей устрашает и пужает. Еще зело непристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит, якобы мазь какую мазал, а особливо при других честных людях», – и т. д.

При императрице Елизавете Петровне явилась новая книга светских приличий: «Грациан, придворный человек». Книга эта учила, что «большая вежливость – учтивый обман, а истинное учтивство – одолжение, а притворное лукавство – обхождение, всегдашняя нау-

ка в жизни, чего ради в нем великой осторожности потребно, всякое излишнее вредно, а инаиначе в обхождении. Когда ты в компании, то думай, что в шахматы играешь». «Безмерная хвала пристойна к прикрытию лжи и злословия». «Никогда больного места не кажи». «Благодарность скорому забвению подвержена и зело тягостна», «Зависть все твои пороки приметит, а добродетели ни одной не увидит», «Обман входит ушами, а выходит глазами», «Великого вопрощика так надобно храниться, как шпиона», «Шутками наибольшие правды выведены» и т. д.

При Екатерине II вышла в свет «Модная книга» со светскими наставлениями; она принадлежала к так называемой шуточной литературе – сатира была направлена против французских модников и модниц, гонящихся безрассудно за модами. Автор в предисловии обращается к господам и господам, у которых поднимаются модные теперь пары (vareurs); сочинитель говорит, что зеленый цвет, подобно прочим модам, продолжается не более недели и потому предлагает им наилучший румянец, подобный тому, который

«сияет на их жестоко раскрашенных лицах и способный, по мнению докторов, рассеять и избавить их от ваперов».

Позднее было издано еще несколько книг с правилами вежливости и светских приличий, были и такие, которые предлагали эти правила в стихотворной форме. Так, в одном из таких уже изданий в сороковых годах предлагаются такие, например, советы:

*Старайся, чтоб твой нос был
свеж и чист
Не фыркал, не сопел, не издавал
бы свист,*

или

*Старайся за столом так руки
держать,
Чтоб платья дам не замарать...*

и т. д. Учителями светских приличий в Екатерининское время были французы-эмигранты. Положение эмигрантов тогда было ужасное, многие из них не имели ни пристанища, ни куска хлеба, были и исключения, которые могли назваться богатыми и привезли с собою значительные капиталы. Люди чи-

новные и знатные вступали в русскую службу и, по милости императрицы, жили сообразно своему званию Загоскин упоминает об одном таком эмигранте, чуть ли не герцоге, которого он знал в своем детстве. Ему было за шестьдесят лет, но никто не мог ему дать этих лет, тон и манеры его были неподражаемы. Шитый французский кафтан, стальная шпага, парик а-лел-де-пижон, распудренный, бриллиантовые перстни на пальцах, золотые брелочки у часов и пуандалансоновые манжеты. Все это делало его щеголем. Ловкость его была тоже удивительная, бывало, закинет ногу на ногу, развалится в креслах, почти лежит. Сделай это другой, так будет невежливо и даже неблагопристойно, а к нему все шло – начнет ли он играть своей золотой табакеркою или обсыплет табаком жабо и отряхнет пальцами манжеты. А посмотрели бы вы, как он это делал. В каждом его движении были такие грацы, такая прелесть. «О, конечно, в этом отношении старые французы, – добавляет повествователь, – были неподражаемы!»

Пристрастие дворян к воспитанию детей в названное время французами-эмигрантами с

великосветским лоском доходило до смешного. В журналах того времени часто встречаем выведенных таких господ, так, в «Московском вестнике» описан такой состоятельный помещик, который ищет учителя для своего маленького сына. Учителем непременно должен быть француз и притом трехтысячный, потому что дешевые – или пьяницы, или воры. Он ни слова не должен знать по-русски, потому что с таким учителем легче выучиться говорить по-французски. В «Литературных листках» тоже выведен один пятнадцатилетний сын помещика, прекрасно говорящий по-французски и танцующий, как Дюпор (известный балетный танцовщик, которому наша дирекция платила по 1700 руб. в вечер). По внушению родителя, он хочет любить свое отечество, но не умеет, потому что не знает его.

VI

Воспитание по моде. – Французские «мадамы и мусье». – Столетие первого модного журнала. – Моды сто лет назад. – История фрака. – Шалуны и повесы. – Военное удальство и кутежи. – Мода на золото и портреты. – Уродливые моды времен директори. – Гонения и указы на французские моды. – Моды Александровских времен. – Плащ *colsua la Quiroga*, и шляпа *a la Bolivar*

«Воспитание по моде», состоящее в содержании у себя в доме «французской мадам и мусье», писатель XVIII столетия Н.И. Страхов, редактор «Сатирического вестника», характеризует так: «Если случилось, – говорит он, – что сии господа разругали вас в глаза, то стоит только послать слугу в Английский кофейный дом, и на другой день передняя ваша наполнится множеством мусьев, хотя известная наша склонность к французскому языку, а паче наша неразборчивость ли-

шила Париж половины слуг, однако ж можете вы между ними найти таких, которые у знатных людей исполняли должность почтенных господ-камердинеров» причем он дает совет не справляться, знают ли они учить правильно языку, но вслушиваться, хорошо ли говорят они по-французски. Исчисляя прочие предметы, входящие в состав модного воспитания, необходимо нужного для «щеголеватых девушек и молодцов», Страхов упоминает о танцевании. Обращаясь к молодым девицам, автор иронически замечает: «Дабы не уменьшилось достоинство ног, продолжайте обучаться танцеванию целый век. Почитайте оное главнейшим приданным вашим и таким достоинством, которое составляет душу всех ваших дарований». Молодым щеголям он дает такой же совет: «Поместить в йоги веете достоинства, которые не влезли в их голову». Относительно музыкального воспитания он тоже предлагает только запомнить и заучить итальянские музыкальные термины.

В 1891 году в апреле месяце исполнилось ровно сто лет, как у нас стал выходить пер-

вый модный журнал под названием «Магазин английских, французских и немецких мод». Издателем его был, по мнению господина Неустроева, известный Н.И. Новиков. Первый, впрочем, такой модный журнал, под заглавием «Модное ежемесячное сочинение, или Библиотека для дамского туалета», появился ранее несколькими годами, но содержание этого журнала не соответствовало своему названию и не давало никаких известий о модах, кроме самых кратких объяснений приложенных к нему четырех модных картинок. Магазин мод иллюминирован был рисунками и, кроме «известий и обстоятельных описаний каждой примечания достойнейшей моды, появившейся за границей в отношении к платью и нарядам обою пола, мебелиам столовым и прочим приборам, экипажам, расположению домов, комнат и украшению оных» и т. д. давал описания образа жизни, публичных увеселений и времяпровождений в значительнейших городах Европы. Магазин этот не ограничивался одною только историею чужестранных мод, но от времени до времени давал известия о господствующих и у нас в сто-

лице появлявшихся уборах, платьях, экипажах и вкусе. Моды, обещаемые в журнале, как гласило объявление, будут появляться через полтора месяца после их появления на горизонте парижских щеголей и щеголих.

В первом номере, явившемся в апреле, про мужские туалеты писалось, что кавалеры теперь отличаются крайней простотою, подходящею весьма близко к деревенщине (*rusticite*). Во фраках не последовало никакой отмены, но по случаю сырой погоды носят сверх оных сюртуки. Далее советуется: «Чтобы походить во всем на англичанина, должно иметь новомодные английские кожаные шпоры, которые прежде были серебряные или стальные, теперь делаются из жесткой черной кожи, и только назад к ним пришивается небольшая шейка из металла». Дамы, как писал парижский корреспондент, одеваются опять великолепно – бальные платья из темно-зеленого полуатласа двух родов: первое наподобие Эвфросины (*habitementa l'Euphrosine*), получившее название от новой пьесы, и другое – а *l'Amadis*. В шляпах и дамском уборе *bonnets a cylindre*, т. е. чепец или

наколки на манер цилиндра, вышиною равняющиеся настоящей сахарной голове, так что по причине вышины прически в залах собрания все люстры и жирандоли повешены гораздо выше прежнего для предупреждения пожара на головах наших красавиц. В письме из Гамбурга в этом журнале между прочим говорится об успехе пьес Коцебу, которые по справедливости принадлежат к модным театральным пьесам. Вскоре эти пьесы доходят и до нас в переводах и держатся на сцене отечественного театра чуть ли не более десятка лет – эти драматические произведения у нас носят название *коцебятины*.

Интересно также сообщение о новой моде на карманное оружие. Кто бы мог подумать, что веселые и всегда поющие парижане дойдут до того, что будут иметь при себе вместе со скляночками, наполненными благовонными водами и спиртами, с золотыми сувенирами, с бумажниками, с фальшивыми часами и прочими очень галантерейными вещами еще итальянский кинжал, пару карманных пистолетов, трости с саблями и шпагами. мода эта продолжалась недолго, у всех модников,

явившихся в Тюльерийском дворце, были опорожнены все карманы и наполнили этими галантереями несколько коробов. Таких франтов позднее стали обыскивать на улицах и провожать пинками и толчками. Наши русские петиметры и петиметрессы, прадеды и прабабушки, щеголяли в Москве; в то время появлялись в следующих нарядах для балов и в торжественные дни дамы надевали русские платья из объярей, двойных тафт и заграничных материй, шитых шелками или каменьями, или другого цвета, рукава имели одинакового цвета с юбкою, пояса носили по корсету, шитые шелками или тоже каменьями, на шее – околки или род косынок на вздержке из блонд или кружев, на грудь надевали закладку или рубашечку из итальянского флера на вздержке, голова причесывалась буклями большими или малыми, виски же подрезывались наравне с ушами, шиньон гладкий и конец его завивался буклею; на волоса накалывались ленты с перьями и цветами. Для выездов на обыкновенные балы, на свадьбы употреблялись сюртуки без фраков, флеровые и тафтяные полосатые, с цветочками, с белыми

флеровым юбками, на шею платки и рубашечки с мужскими воротниками, рукавчики такие же, как и к русскому платью, пояса из лент с концами и с бантами и пряжки к поясам стальные или с камнями, на голове носили тюрбаны из цветных флеров, также и заколки. Для выездов в клуб и вокзал в тогдашнее модное гулянье употребительнейшие платья дам были сюртуки с фраками – с высокими воротниками, узенькими и короткими, вроде туркесов, рукавчики расшнурованы ленточками, лацканы также такие и на пуговицах, юбки из линобатиста, на голове шляпка *a la cloche* (наподобие колокола), вокруг шляпы черные и белые блонды, другие же употребляли шляпки *a la bergere* (по-пастушьи), надевались последние на волосы на один бак с гирляндами из цветов, лент и с перьями.

Мужские московские моды были: суконные фраки разных цветов с длинным лифом и стальными пуговицами; весной и летом употребляли для фраков шелковые полосатые материи и английские полусукна, на шее носили косыночки из линобатиста или кисеи,

обшитые кружевом или вышитые по краям разными шелками, повязывались они бантом наперед с распущенными концами, жилеты носили шитые по канифасу белыми и разноцветными шелками. Рубашки – из английской шелковой или полотняной материи с узенькими полосочками, по сторонам ставились только по три пуговицы. Прическа головы – в три букли на стороне, одна возле другой и широкой а ла вержет. Шляпы к фракам круглые, остроконечные, перевязанные лентами. Чулки шелковые, половинчатые, наподобие сапожков до половины икры темного цвета, а от икры до колена белые. На фрак с начала нынешнего столетия стали нападать как в литературе, так и в обществе с легкой руки Грибоедова, определившего его так:

*Хвост сзади, спереди какой-то
чудный выем,
Рассудка вопреки, наперекор сти-
хиям.*

Фрак стал гоним; как и теперь, резко своего он вида не терял – то подыметя, то опуститя лиф, воротник или рукава сделаются то уже, то шире, то длиннее, то короче. Загос-

кин написал о вреде его целую статью уверяя, может ли быть что-нибудь смешнее и безобразнее фрака. Долговечность последнего, надо думать, объясняется тем, что в старину, когда чинопочитание царствовало повсюду, один только фрак, который нашивали и служащие, и не служащие, все без исключений, иногда уравнивал между собою и полковника, и гвардейского сержанта, но и тут без вежливости фрак не спасал шалуна или повесу. А повес в то время было много, такие ходили с толстыми палками в руках, последние носили название геркулесовой дубины, эта мода явилась тоже из Франции. В те года на улицах Парижа и в публичных собраниях палки и расправа палкой играли большую роль. Всякий спешил отвечать на грубое слово, на насмешку и просто даже на тесноту ударами палки. Тогдашние щеголи не покидали ни на минуту своих тростей и часто пускали их в ход. Вежливость считалась предрассудком, и молодые люди разговаривали с женщинами, надвигая шляпу на лоб. Когда старики выказывали вежливость, молодые осыпали их насмешками. Большими повесами и шалунами

В начале нынешнего столетия были молодые кавалеристы; характер, дух и тон военной молодежи и даже пожилых кавалерийских офицеров составляли в ту эпоху молодечество, удальство. «Последняя копейка ребром» и «жизнь – копейка, голова ничего» – вот какие были поговорки и какие девизы тогдашних офицеров. Не надо забывать, что большая часть тогда эскадронных командиров и ротмистров были суворовские воины, крещенные в кровавых битвах и опаленные в пороховом дыму. Поэт партизан Денис Давыдов пел:

*Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мой золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!*

Теперь все перешло в предание! Ни эха, ни следа прежних лет. Старые офицеры искали и в войне, и в мире опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удальством. Попировать, подраться на саблях, побушевать, где бы не следовало, это входило в состав военной жизни и в мирное время, пишет современник того времени Ф. Булгарин «Молодые кавалерийские офицеры были то же, что немецкие сту-

денты-бурши и так же вели вечную войну с
рябчиками (так в старину кавалеристы назы-
вали штатских). Военная молодежь не поко-
рялась никакой власти, кроме своей полко-
вой, и беспрерывно вела войну с полицией.
Буянство, хотя и подвергалось в то время на-
казанию, но не считалось пороком и не по-
мрачало чести офицера, если не выходило из
известных границ. Стрелялись очень редко,
только за кровавые обиды, за дела чести, но
зато рубились за всякую мелочь. После таких
дуэлей бывал пир и дружба. Общество офице-
ров в полку было как одна семья, все было об-
щее – и деньги, и время, и наслаждения, и
неприятности, и опасности. Старшие офице-
ры требовали от молодежи исполнения служ-
бы, храбрости в деле и сохранения чести мун-
дира. Офицер, который бы изменил своему
слову или обманул кого-либо, не был терпим
в полку. Офицеры, правда, делали долги, но в
крайности за них складывались товарищи и
платили их. Офицерская честь высоко цени-
лась, хотя эта честь имела свое особенное,
условное значение. Гвардия тогда была мало-
численна. В Кавалергардском, Преображен-

ском и Семеновском полках был особый тон и дух. Офицеры этих полков принадлежали к высшему обществу, они слыли танцорами, господствовали в них придворные обычаи и общий язык был французский, когда, например, в других полках между удалою молодежью французский считался неприличным и говорить между собою позволялось только по-русски. Офицеров, которые отличались светскою ловкостью и французским языком, называли *хрипунами*, последнее название произошло от подражания парижанам в произношении буквы р. Конногвардейский полк был нейтральным, он соблюдал смешанные обычаи, Лейб-гусары, павловцы, измайловцы и лейб-егеря следовали господствующему духу удальства и жили по-армейски. Во флоте было еще больше удальства. В старые времена офицеры кутили в Екатерингофе, Красном кабачке и на Крестовском острове, сюда ездили, как на охоту, и горе было бедным немцам-ремесленникам, которых находили здесь с семействами. Начиналось обыкновенно так: заставляли толстых маменек и папенек вальсировать до упаду, потом спаивали весь муж-

ской пол, за прекрасным полом все волочились, обыкновенно это и оканчивалось батальей. Кутили всю ночь до утра и в 9 часов все являлись к разводу – кто в Петербург, в Стрельну, Царское, Петергоф – и как будто ничего не бывало. Через несколько дней приходили жалобы, и виновные тотчас сознавались по первому спросу, кто был там-то. Лгать было стыдно. На полковых гауптвахтах всегда было тесно от арестованных офицеров, особенно в Стрельне, Петергофе и Мраморном дворце. Каратыгин рассказывает, как гвардейские офицеры возвратясь из славного похода в Париж, однажды ночью после веселого ужина разбрелись потешаться по Невскому проспекту и в продолжение ночи переменили несколько вывесок. Поутру у булочника оказалась вывеска колбасника, над аптекой – гробовщика и т. д. Нынче немислимы такие шалости, но в то время ночной полицейский надзор был очень слаб и инвалиды-будочники дремали у своих старозаветных будок.

В 1791 году вошло в большое обыкновение у дам носить много золота в виде ожерелий, с большими золотыми сердцами, серьги в виде

блонд и проч. Господствующий для всякой обшивки цвет был пунцовый, и единственным ему соперником было только золото. Появилась в те года еще новая мода обшивать платье черным или желтым цветом, она названа была а la contiejevolution, но последняя скоро вышла из употребления. Года два спустя появилась большая мода на миниатюрные портреты на слоновой кости, которые носили в медальонах на шее. Мода эта вошла сперва в Париже, где был знаменитый живописец Изобей, рисовавший такие портреты в совершенстве. Этот род портретов очень распространился по всей Европе и держался очень долго и у нас.

Еще в конце тридцатых годов всякая молодая девушка, выходящая замуж, дарила жениху медальон с своим портретом на кости. Убила это обыкновение окончательно фотография.

В конце 1791 года в столичном обществе самым употребительнейшим женским платьем был *молдаван*; его носила сама императрица Екатерина II. Платье было с короткими рукавами, шилось из атласа, флеру, из турец-

ких тонких парчей, обшивалось кружевом, блондами, бахромою, лентами, юбки к этому платью носили белые и одинакового цвета с корсетом. Также носили *пиеро* из лино, шитые шелками и фууроферме с большим шлейфом. Головы причесывали в букли и в расческу – узко, вроде мужских голов. Носили султаны с золотым и золотыми колосьями и фольговыми цветами.

В 1793 году вошли в большую моду дамские сюртучки, к сюртучку надевали камзолчик, глазетовый из какой-нибудь дорогой материи, у сюртучков были длинные шлейфы. Уменье управлять длинным шлейфом считалось признаком большой аристократичности. В это же время явилась *согрс* (тело, туловище) – ужасная машина, сжимающая женщину до того, что она превращается в статую; скоро «согрс» изгоняется корсетом, *фижмы* также перестают носить и заменили на *des bouffantes* (с напуском), которые делались из волосяной материи, кроме того, чтобы сделать платье пышнее, употреблялось проклеенное полотно, называемое *la criarde* (крикливое). Эта ткань шумела страшнейшим об-

разом при малейшем движении. Модные цвета в это время носили следующие сентиментальные названия: сладкой улыбки (*doux sourire*), нескромной жалобы (*plainte indiscrete*), совершенной невинности (*candeur parfait*), заглушённого вздоха (*soupir etouffe*) и т. д.

В описываемые годы мода на наряды настолько усилилась в русском обществе, что явилось несколько изданий, которые «в беспристрастном начертании» желали открыть некоторым людям глаза и убедить их во вреде, причиняемом модами, роскошью, вертопрашеством и прочими пороками, которые являются повсюду в современном обществе.

Самая крупная сатира на моды явилась в книге «Переписка безруких мод»; в книге этой сказано, что «моде», попавшей во Францию в самый разгар революции, когда владычество ее рушилось, не оставалось ничего более делать, как пробраться в землю подражательности – Россию, где она и была встречена с распростертыми объятиями. Автор представляет любопытную характеристику слабостей и пороков современного ему русского

светского общества.

После Французской революции ввелись в моду у мужчин лорнеты и жабо выше подбородка и головы были отстрижены *a la Titus* и *a la Каракалла* и коротенькие косы *flambeau d'amour* (факел любви). Императрица Екатерина II приказала нарядить будочников в сюртуки, в жабо и дать им лорнеты в руки, будочники подходили к франтам, щурились в стеклушки и говорили им, как друзьям «*Bonjour!*». И жабо, и лорнеты быстро исчезли. Фраки в то время носили с длинными и узкими фалдами, жилеты из розового атласа, сапоги с кистями, галстуки, закрывавшие подбородок в несколько аршин, которые надлежало обматывать вокруг шеи. Трудно представить большее безобразие. К описанному наряду надо прибавить еще треугольную шляпу, которую прежде носили под мышкой, чтобы не смять волос, да и вообще и прежде шляп не употребляли; большой парик и без того согревал голову.

Шляпы, существующего вида цилиндры, появились в 1785 году в Англии; носить их на головах стали у настолько с уничтожением

париков. С появлением английских мод водворяется страшное смешение: женщины носят камзолы, жилеты, мужские рубашки; мужчины – муфты. Эти муфты носили зимою и летом; самая модная была белого цвета, из шерсти ангорских коз и украинских; муфта носила название *манька*; были такие и очень дорогие из соболей и других ценных мехов. Особенно такой *манькой* щеголял Леон Разумовский. В числе меховых костюмов, кроме шуб и кирей, носили еще модные *винчуры*; последние у наших бар были очень ценны. Так, у известного любимца Екатерины II графа Мамонова была такая из меха туруханских волков, ценою в 15 тыс. руб.

С воцарением императора Павла I появились гонения и указы против французских мод; указом наистрожайше было подтверждено, чтобы никто в городе, кроме треугольных шляп и обыкновенных круглых шапок, никаких других не носил; воспрещалось также с подпиской всем находившимся в городе ношение фраков, жилетов, башмаков с лентами, а также увертывать шею безмерно платками, косынками и т. д. Повелено было также о

строгом и неупустительном наблюдении, дабы штатские чины и приказные служители и все отставные отнюдь не носили курток, панталон, никаких фраков, толстых галстуков и других платьев, кроме мундиров по высочайшеопробованным образцам. Обязательно было в это время для всех жителей Российской империи как состоявших на службе, так и бывших в отставке с каким бы то ни было мундиром – военным, морским или гражданским – носить длиннополый, прусской формы мундир, ботфорты, крагены, шпагу на поясице, шпоры с колесцами, трость почти в сажень, шляпу с широкими галунами и напудренный парик с длиною косою.

Державин писал про это время, что тогда зашумели шпоры, ботфорты, тесаки, и будто бы по завоевании города ворвались в покои везде военные люди с великим шумом. С восшествием на престол Александра I моды резко изменились. Булгарин говорит: «Откуда-то вдруг явилось у всех платье нового французского покроя *l'incroyable* (невероятный), представлявшее собой резкую противоположность прежней ощипанной, кургузой прус-

ской форме. В прическе франтов появились какие-то неведомые *oreilles de chien* (собачьи уши), эсперансы и, к невыразимому ужасу Павловских блюстителей благочиния, модники, вместо саженных тростей, стали носить сучковатые дубины с внушительным названием *droit de l'homme* (право человека)».

Такие львы носили кличку петиметров. Первым таким франтом в петербургском обществе явился известный М.Л. Магницкий. Щеголяли эти модники в шляпах *a la Robinson*, в очень узеньких панталонах с узорами по бантам и в сапогах *a la husard*.

Женские наряды той эпохи были очень поэтичны, напоминающие древние статуи. По словам современника Вигеля, если бы не мундиры и не фраки, то на балы можно было бы тогда глядеть, как на древние барельефы и на этрусские вазы. И, право, было недурно: на молодых женщинах и девицах все было так чисто, просто и свежо, собранные в виде диадемы волосы так украшали их молодое чело. Не страшась ужасов зимы, они были в полупрозрачных платьях, которые плотно обхватывали гибкий стан и верно обрисовывали

прелестные формы, казалось, что легкокрылые Психеи порхают на паркете. Но каково было пожилым и дородным женщинам – им не так было выгодно выказывать свои формы.

Мужские платья стали делать в то время из разноцветных сукон, а также на балы надевали бархатные фраки с металлическими и перламутровыми пуговицами, при панталонах из Кашмира или шелкового трико, всегда одного цвета с фраком, надеваемых под сапоги в виде ботфортов с желтыми иногда отворотами по утрам, но без них после обеда. Черный галстук не существовал при фраке, а был белый, атласный или батистовый, рубашка – батистовая, с брыжами туго накрахмаленными. Позднее появились черные атласные галстуки с бриллиантовыми булавками. Это называлось американскою модою.

Существующего вида брюки сверх сапог первый ввел в Петербурге герцог Веллингтон, генералиссимус союзных войск и русский фельдмаршал. Брюки носились со штрипками, называли их тогда «велингтонами». Этот же герцог познакомил петербурж-

цев и с новым плащом, длинным, черным, без рукавов, плотно застегнутым. Плащ носил название *cools* (воротник). Немного позднее стал входить в моду другой еще плащ, а *la Quirogo* – он был необъятной ширины, им можно было обернуться три раза. Уважались такие плащи, которые были сделаны без швов, из одного куска сукна. С ним вошли в моду сапоги со шпорами и усы, а также и шляпа, воспетая Пушкиным, а *la Bolivar*, поля которой были так широки, что невозможно было пройти в узкую дверь, не снимая с головы шляпы. В сороковых годах все модники оделись в пальто *сан* (мешок) и шляпу (*дагер*), в честь изобретателя дагерротипа Луи Жака Манде Дагера (1787–1851), затем, в пятидесятых годах, а *la Palmerston* и т. д.

Примечания

Даже у меня нет такого жемчуга, как у графини Орловой (фр.).

[^^^]